

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ
АРГЕНТИНА
КВЕНТИН

Андрей Валентинов
Аргентина. Квентин
Серия «Аргентина», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33167216
Аргентина: роман-эпопея: Кн. 1. Квентин: Фолио; Харьков; 2017
ISBN 978-966-03-7901-5

Аннотация

...Европа, 1936 год. Вторая мировая уже близко, но кто-то всесильный и всезнающий торопит Историю. Восстание в Судетах и Тешине, новое секретное оружие, шпионские игры и загадочный рыцарский орден Братьев-рыболовов...

Уолтер Квентин Перри, бывший сержант армии США, а ныне сотрудник географического фонда, отправляется в командировку в Европу – на цеппелине, классом «люкс». Зачем ему дали книжку про Квентина Дорварда, молодой американец даже не задумывается. Секретный агент Мухоловка, она же Сестра-Смерть, удивляется такому странному совпадению: парень, которого предстоит убить, – Квентин, и в книжке – Квентин... Но мало ли каких случайностей не бывает?..

Содержание

Как планету назовем?	5
Глава 1	8
Глава 2	55
Глава 3	102
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Андрей Валентинов

Аргентина. Книга первая. Квентин

© А. Валентинов, 2017

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2017

* * *

Как планету назовем?

Подражание античному

– Словно смерть, неотвратима, – зрите! – близится она, с вечной сорвана орбиты, титаническая твердь. В небесах горит зловеще фиолетовый огонь – беззаконная планета мчит Земле наперерез.

– Хороша страшилка выйдет, разойдется на ура. Как же станем мы Погибель Фиолетовую звать?

– Пусть Погибелью и будет, для обложки в самый раз.

– Нет, не так, иначе надо. В маске Смерть явилась к ним, незаметно подобралась в сонме пыли и комет. Значит, имя – по контрасту, без намеков и угроз. Пусть Улыбкою зовется, это ль не судьбы оскал? Человечеству Улыбка гибель верную несет!

– Мысль удачна, имя сыщем. Но с обложкой как нам быть? Станем формулы, как прежде, среди рисунков размещать?

– И не только, схемы тоже. Труд, признаюсь, не простой. Наш художник стал вопросы не по чину задавать, позабыл, что дал подписку, слишком нагл и слишком смел. Им займусь, а вы – творите, вас учить – напрасный труд. Звездолеты, горы трупов, чернота фотонных дюз, девы в розовых скафандрах, роковая космо-вамп. И злодей – конечно, в маске. Из титана, например.

– И отважный супер-мачо с верным бластором в руке.

– Бластор? Это имя дико.

– Никцин Дьялис¹ – спрос с него. Вместо пуль – энергий сгустки, острый луч пронзает плоть.

– Помню, помню его повесть про Зеленую звезду. Пусть же «бластор» смертоносный станет «бластером» у нас. Бластер – сколь звучит приятно, так и хочется воспеть. Будет в следующей книге явлен миру Смерти Луч!.. И, конечно, не забудьте горе-сыщика призвать. Без него излишне пресно.

– Да, комический герой. Он из Теннесси приедет, из медвежьего угла. В нашем цирке – шут коверный, для пощечин манекен. Я б назвал беднягу Клэмзи², это имя в самый раз.

– Клэмзи – плохо, Клэмзи – грубо. Наш простак – простак и есть, деревенщина в квадрате, деревянная башка. От фамилии болвана пусть провинцией несет. Пиво в бочке, сидр в стакане, там и следует искать.

– Бедный сыщик! Право слово, будет жалко убивать.

– В том согласье наше вижу. Убивать героев – грех. Над могилою Портоса разрыдался пэр Дюма. Тем и нынешние плохи, только рации, нет чувств. Поглядите на фантастов – в душах чистый интеграл, не словесность, а учебник, скучно лист перевернуть. Муж ученый про ученых для ученых речь ведет.

– В нашем случае, скорее, про шпионов – и для них.

¹ Nictzin Wilstone Dyalhis «When the Green Star Waned».

² *Clumsy* (англ.) – неуклюжий, неловкий, неповоротливый, грубый.

– Bravo! Слоган на обложку. Для шпионов наш роман! Но шпионы тоже люди, гуще крови, больше чувств. Словно танго, книга наша, страстный танец под луной.

– Танго? Вот как? Погодите! Утром радио включил, музыкальные новинки, румба, танго и фокстрот... Танго! Есть! Нашел я имя!

– Как планету назовем?

– Аргентина!

Глава 1

«Олимпия»

Данс-макабр. – Я все равно буду волноваться, сэр! – Настольный теннис. – Правила игры в эльферн. – Книжка с картинками. – О Аргентина, красное вино!

1

Зачинайся, данс-макабр!

Пляшем!

Смерть появилась в комнате с первой пулей. Успела – Смерть никогда не опаздывает. Подхватила падающего – крепкого сорокалетнего мужчину в белой рубашке, закружила, повела в танце.

В эту ночь – танго!

Шаг, еще один шаг, резкий поворот. Улыбка, поцелуй. Я – твоя, а ты – мой. Навеки!..

Снова пули – вторая, третья, четвертая!

Смерть успела и на этот раз. Костлявые руки обняли красивого двадцатилетнего парня, заботливо поддержали, помогая пройти первую, самую трудную, фигуру. Calecita-карусель, партнер по кругу, дама в центре.

Рада тебе, сладкий!

Поцелуй!

Третий, самый старший, не был готов к пляске, трусил, пытался убежать. Смерть ощерила клыки – поздно, толстун, ты уже мой!

Пуля, пуля, еще пуля!..

Boleo – мах назад ногой от колена, фигура сложная, не по годам, но очередная пуля помогла. Смерть, поблагодарив кивком, обхватила партнера, повела. Основной шаг, корте назад, ровный темп, 33 такта в минуту... Глаза все еще видели, не хотели закрываться, и Смерть поцеловала последнего в левый зрачок – за долю секунды до того, как туда попала еще одна пуля, тоже последняя.

Спасибо за танец, толстун!

Все кончилось слишком быстро, и Смерть, теща любопытство, решила обождать. В комнате суетились живые, кричали, поминали Ее имя. Смерть не отзывалась, стояла в сторонке. Хлопали двери, надрывно звонил телефон, живые никак не могли успокоиться, но вот, наконец, стало тише, а там и свет погас.

Танцевавшая танго прислушалась. Шаги! Не зря ждала.

Дождалась!

Улыбка – желтый оскал.

Смерть открыла дверь, впуская Свою сестру.

Мухоловка шагнула через порог, из света во тьму. Ничего не увидела, но торопиться не стала. Сперва расстегнула верхнюю пуговицу легкого весеннего пальто и поправила шляпу-слауч, слегка сдвинув на левое ухо. Осталась довольна — Грета Гарбо, спутать можно. Не это, впрочем, главное — ночью, когда различим лишь силуэт, в головном уборе кажешься выше. И еще очки, тяжелые, неудобные, с простыми стеклами — на случай, если кто-то заглянет в лицо.

Наконец, тьма отступила, превратившись в серый сумрак. Девушка взглянула под ноги, оценила. Кровь! Целая лужа, прямо возле левой туфли. Посмотрела вперед, скользнула взглядом по комнате.

Три тупа, один живой. Все ясно.

— Здравствуй, Шарль!

Живой — кожаный плащ, шляпа, очки — шагнул ближе, стараясь не вступить в темную жижу. Протянул руку:

— Здравствуй! Знаешь, я очень злой.

Мухоловка поморщилась.

— Меня тоже с постели сдернули... Говори!

Молодой человек по имени Шарль резко выдохнул.

— Говорю.

...Профессор Арнольд Пахта, пятьдесят один год, социалист, участник восстания 1927 года, вышел из тюрьмы шесть

месяцев назад. По агентурным данным, тесно связан с подпольем.

Мухоловка загнула палец.

...Густав Пахта, двадцать лет, актер, племянник Арнольда Пахты. Активист молодежного крыла соцпартии, два ареста.

Второй палец!

...Карл Вигорорс, сорок два года, гражданин Швеции, социал-демократ, член центрального правления партии.

Третий палец так и остался не согнут.

– Fick dich!³

– Именно, – согласился Шарль. – Узнают в посольстве – конец. Международный скандал с Армагеддоном в финале. Распнут! Сначала Эрца, потом нас с тобой, а после – идиотов, которые принялись стрелять, не разобравшись. Кому-то почудился пистолет.

Мухоловка кивнула в сторону подоконника.

– Туда. Крови меньше.

Добралась, стараясь не испачкать светлые летние туфли, повернулась спиной к темному окну.

– Думаем!

³ Здесь и далее персонажи будут использовать обценную лексику, переводить которую автор не считает возможным. В данном случае – распространенное немецкое ругательство.

– У джентльмена трость забрали, – острый палец с надкусанным ногтем ткнул куда-то влево. – Из-за стального наколенника. У леди, которая в синей шляпе, чемодан раскурочили, содрали уголки. Прямо с мясом вырвали. Железо, говорят. Это, Уолти, не дирижабль, а нарушение всех поправок к Конституции. Тоже мне, цеппелин – чудо техники!

Владелец надкусанного ногтя, белобрысый и лопоухий, презрительно фыркнул и вновь уткнулся носом в книгу – пухлый покетбук в яркой обложке.

Уолти, он же Уолтер Квентин Перри, покосился на суету возле стойки, почесал подбородок и совсем уже собрался ответить по всем пунктам, начиная с пальца, коим, как известно, тыкать грешно, но лопоухий опередил.

– И ты такое с собой берешь? – возмутился он, захлопывая книжку. – «Фиолетовая угроза»! Капитан Астероид снова спасает человечество! Уолти, это же для детишек.

Самого себя двенадцатилетний Джон Рузвельт Перри-младший, племянник Перри-старшего, к «детишкам», естественно, не причислял. Перри-старший хотел поставить на вид это обстоятельство, но вновь опоздал.

– Лучше оставь почитать, посмеюсь на ночь. У тебя еще книжки есть.

Раскрытый кожаный чемодан лежал на простом деревян-

ном столе. К нему прислонился портфель, тоже раскрытый. Обычно перед отправкой вещи складывают и пакуют, но здесь, в Лейкхерсте, все было наоборот. В наскоро сооруженном павильоне (алюминий, стекло и немного стали) предусматривался не только положенный в таких случаях паспортный контроль, но и тщательный осмотр всего, что пассажиры намеревались взять на борт «чуда техники».

Само «чудо», громадная серебристая сигара с черной свастикой на хвосте, поджидало гостей в сотне метров, зависнув над самой землей. Разбежавшиеся по сверкающему в солнечных лучах корпусу массивные черные литеры складывались в короткое слово «OLYMPIA»⁴.

Уолтер Перри, окинув взглядом разворошенные вещи, решил, что самое время сказать свое веское слово. Как-никак главный в семье, и возрастом старше этого лопухого – в целых два раза.

Перри-главный тоже был лопух, но под шляпой не слишком заметно.

– Книги не мои, Джон. Ты же знаешь, читать я не любитель.

– Это у нас наследственное, – констатировал младший, вновь принявшийся листать «Фиолетовую угрозу».

⁴ Цеппелин «Олимпия» в США не летал. «Аргентина» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

Уолтер тяжело вздохнул. Вот и воспитывай! А куда деться, если глава семьи? Правда, всей семьи-то раз, два – и обчелся. Раз – это он, Перри-старший (совсем-совсем недавно младшим был!), два – вот оно, лопоухое, под стол вчера бегало. «Три» уже не будет, не обсчитаешься.

В Теннесси, когда за стол садились, места не хватало. Где он, Теннесси?

– Книжки, Джонни, я должен в Париже отдать – те две, которые с картинкой на обложке. А эту прочитать велели.

Прицелившись, безошибочно выдернул из-под белья толстую брошюру с не слишком удачной фотографией на первой странице. Только и разобрать, что горы.

– Угу, – не слишком внятно отреагировал младший, – Джон Гилл «Скалолаз в Южных Аппалачах». Толковая вещь, я бы и сам почитал. Тебя твое начальство что, в Альпы отправляет?

Ответа, впрочем, дожидаться не стал, снова в книгу уткнулся. Перри-старший, решив не развивать тему дальше, поглядел на толпу возле стойки контроля. Не убывает, даже растет, вот уже полисмены появились...

* * *

Организаторы рейса оказались явно не на высоте, причем в буквальном смысле. «Олимпия», чудо-дирижабль, собиралась отбыть из Соединенных Штатов напрямик с Эм-

пайр-стейт-билдинга, от его знаменитого шпиля. Так было обещано в рекламных проспектах и пропечатано во всех газетах. Как изрек кто-то из языкатых журналистов, «Кинг Конг собирается в Старый Свет».

Кинг Конгу не повезло. За сутки до отбытия появился метеопрогноз (сильный ветер, возможна гроза) – и «Олимпию» поспешили отправить в Лейкхерст, подальше от опасности. Здесь небо было ясным, ветер вел себя вполне прилично, но наземные службы оказались совершенно не готовы. Отсюда и толпа у стойки контроля, и нервные голоса пассажиров, и почти неизбежная задержка рейса.

Впрочем, американская сторона была если и виновата, то не слишком. Проблема оказалась не столько в очереди – обычный контроль проводился без лишних проволочек, сколько в «особых мерах предосторожности», о которых туманно указывалось в проспекте. «Особыми» занимались не местные службы, а двое из команды «Олимпии» – немногословные, плечистые, с холодными блеклыми глазами. Оба были в штатском, но это обстоятельство не могло обмануть даже лопоухого Перри-младшего.

Вещи перебирали основательно, с толком. Металлические тут же откладывали в сторону для последующей сортировки. Сталь и железо отбирали сразу. А если искра? Водород, майн герр, с ним не шутят! Книжки тоже смотрели – и очень тщательно проверяли документы.

А еще личный обыск! Пассажиры, особенно дамы, зара-

нее возмущались, некоторые, из тех, кто постарше, в полный голос. От поездки, впрочем, никто еще не отказался.

Оказавшиеся в хвосте неожиданной очереди решили заняться вещами сами, отложив в сторону лишнее и запретное. Все приятнее, чем когда в твоём белье копаются чужие руки. В случае с чемоданом Уолтера инициативу проявил Перри-младший, которому личности в штатском сразу же чрезвычайно не понравились.

– Нож отберут, – деловито рассудил он, откладывая помянутый в сторону. – Когда возвращать будут, проследи, чтобы отдали. Он у тебя классный! Еще заныкают, гестаповцы.

– А кто такие гестаповцы? – удивился старший.

Ответом был выразительный взгляд. Племянник, в отличие от дяди, читал не только спортивный раздел, порой просматривая даже первые полосы «Нью-Йорк Морнинг Телеграф».

Книгу Джон не без сожаления вернул. Перри-старший, дабы не забыть, сложил всю полиграфическую продукцию стопкой: два опуса про подвиги Капитана Астероида, брошюру про скалолазов и потрепанный томик с рыцарем на обложке. Книжки-то пропустят, никуда не денутся, другое важно.

Тяжелый пакет в плотной бумаге. Сопроводительные бумаги. Печать, подписи...

Порядок!

– Вроде, все, – рассудил лопухий. – Металл я отложил,

чемодан кожаный, не придерутся. Разве что ботинки, они у тебя, Уолти, с заклепками. Слушай, зачем тебе горные ботинки? В самом деле по скалам лазить будешь?

Перри-старший подумал, как бы честнее ответить и не соврать.

– Я курьер, Джонни. Ботинки за счет фирмы, как и костюм. А лишних вопросов я не задаю. Когда платят двадцать пять долларов в день, можно и две пары ботинок на горбу потаскать.

– Это верно, – согласился младший, укладывая вещи обратно в чемодан. – Хорошо хоть «Томсон» не всучили. Между прочим, крутая у тебя фирма. Курьера – и на цеппелине. Это же четыреста долларов в один конец!.. Да, кстати! Паспорт, деньги, билет... Не забыл?

Уолтер хлопнул себя по новому пиджаку, нащупал паспорт во внутреннем кармане.

– На месте. За меня не волнуйся. Сам-то...

Младший, фыркнув, закрыл чемодан, хлопнул ладошкой по твердой коже.

– А я-то что? Не маленький!

Старший кивнул, соглашаясь, вздохнул поглубже.

– Джон Рузвельт Перри! К тебе обращаюсь!

Голос не повышал, лишь добавил сержантского металла.

– Сэр! Да, сэр!

Лопухий дернулся и замер по стойке «смирно». Ноги на ширине плеч, носки врозь, подбородок вверх. Взгляд, одна-

ко, остался прежним, весьма нахальным.

– Все помнишь? Не забыл?

– Сэр! Никак нет, сэр! Комнату убирать каждый день, сэр! Кролика Лайона кормить по расписанию и менять воду, сэр! Обедать у миссис Норидж, сэр! Секцию по боксу не пропускать, сэр! После восьми вечера на улице не появляться, сэр! Драк по возможности избегать, сэр! С Нэнси встречаться по воскресеньям и ходить в кино на утренний сеанс, сэр!..

– Это с какой еще Нэнси? – рыкнул старший, не сдержав голоса. – С дочкой адвоката?

– Сэр! Так точно, сэр! – лопоухий наивно моргнул. – Того самого, которому я чинил авто, сэр! Юная леди нуждается в защите, сэр!..

Насколько Уолтер помнил, «юная леди» была из тех, что сама кого хочешь защитит, если догонит. Усугублять, однако, не стал. За племянника он не слишком беспокоился, но... Все-таки беспокоился. Двенадцатилетний мальчишка и Нью-Йорк – не слишком удачное сочетание. По себе помнил.

* * *

Мать и младшая сестренка умерли в страшном 1919-м от «испанки». Отец выдержал, не сломался и не запил, но все-таки решил отослать Уолтера к родственникам в далекий Теннесси. Времени на сына не оставалось – сержант Перри служил в «убойном» отделе полиции Нью-Йорка. Уолти, ло-

поухий семилетка, впервые не послушался отца, впервые повысил на него голос. Он не хотел уезжать! Не мог! Понимать еще не понимал, но чувствовал, что строгий, порой даже суровый сержант (сэр! так точно, сэр!) не выдержит на своей страшной службе, когда рядом не будет никого кроме призраков и старых фотографий.

Разговор вышел тяжелым. Сошлись на том, что Перри-младший останется в городе, но будет проводить в Теннесси летние каникулы. Так и жили, то врозь, то вместе, пока Уолтера не затребовал дядя Сэм для тяжелой, но нужной армейской службы. Перед расставанием поговорили всерьез. Сержант, считавший дни до пенсии, рассудил, что сыну имеет смысл остаться в армии на сверхсрочную. А что делать, если за плечами обычная городская школа, а колледж так и остался мечтой? Грузчиков и бандитов в Нью-Йорке и так хватает.

Уолтер не спорил. Почему бы и нет? Дяде Сэму нужны крепкие парни, не имеющие привычки хныкать и жаловаться по каждому пустяку. Когда в далеком Техасе Уолтер Квентин Перри, теперь тоже сержант (сэр! так точно, сэр!), узнал о смерти отца, он решил и в самом деле осесть в армии. Жизнь по расписанию Уолтеру нравилась, да и служба попала интересная – такая, что и в письме не опишешь.

Но все-таки пришлось возвращаться в Нью-Йорк. Нашлась причина.

– Порядок! – рассудила причина, закрывая портфель. –

Металл я отдельно сложил, отдай им сразу, чтобы не копались. Уолти! Не спи, там уже очередь меньше.

– Да, – спохватился старший. – Сейчас... Джонни, из Парижа я сразу же отправлю телеграмму, постараюсь писать почаще, но мало ли?

Не договорил, укусил себя за язык. Про «мало ли» говорить не стоило. Для младшего полет через океан – обычный курьерский рейс. Ну, пусть не совсем, но все равно – посылку сдал, посылку принял. Ему и самому объяснили сходно. Ничего особенного – если, конечно, не учитывать горные ботинки и книжку про скалолазов.

– Сэр! Я все равно буду волноваться, сэр! – вздохнул Перри-младший. – И ты бы на моем месте волновался. А как иначе? Только ничего с нами не сделается, ни с тобой, ни со мной. Мы же Перри, из Теннесси!

Теннесси лопоухий Джонни впервые повидал прошлым летом, когда дядя, поддавшись на уговоры, свозил младшего на родину предков – графство Фентресс, маленький поселок Пэлл Мэлл, что на Волчьей реке у самой границы с Кентукки. Его собственные родители не были столь сентиментальны.

С семьей сводного брата Уолтер почти не общался. Тот, много его старше, ушел из дому задолго до того, как овдовевший отец женился вторично. Они не ладили – нью-йоркский полицейский и рано повзрослевший отпрыск. Своего племянника Перри впервые увидел два года назад в детском

доме-приюте, куда тот угодил, оставшись сиротой при живых родителях. Мать, танцовщица из мюзик-холла, ушла из семьи, а отец отправился обживать камеру Синг-Синга⁵, причем всерьез и очень надолго.

Сержант Уолтер Перри был в новенькой парадно-выходной форме. На лопоухого Джонни напялили серую приютскую одежду – не по росту и без пуговиц.

– А зачем я тебе нужен? – поинтересовался Перри-самый младший. – Денег у меня нет, у нас все забрали, даже мои игрушки.

Уолтер Квентин Перри рассудил, что дядя Сэм, пожалуй, обойдется и без него.

– Ваш паспорт! – буркнул хмурый чиновник за стойкой. «Сэр» добавить забыл. Молодой человек в серой шляпе и светлом плаще был не первым и не десятым. Обойдется, невелика птица.

3

Широкий белый подоконник, два горшочка с геранью. Шарль слева, Мухоловка – справа. Фразы летят упругими шариками, словно молодые люди заняты игрой в настольный теннис. Трупы рядом, но ни он, ни она не глядят на убитых, ибо тому, кто сопричислен ко всему живому, есть надежда,

⁵ Синг-Синг (Sing Sing Correctional Facility) – тюрьма с максимально строгим режимом в городе Оссининг, штат Нью-Йорк, США.

мертвым же более нет доли в мире.

Сквозь черное окно за всем внимательно следит Мать-Тьма, не менее любопытная, чем ее подруга – Смерть.

Фразы-шарики, налево-направо. Сперва без особой спешки, еще не игра – разогрев. Вброс! Кидает Шарль:

– Наш первый труп, помнишь?

Девушка лениво отбивает ракеткой:

– «Наш» – преувеличение. Ты его даже не видел, ни живым, ни мертвым.

Шарль поддается, пропуская подачу:

– Только кровь – ту, что протекла сквозь щели. Я еще тогда подумал, мол, ничего себе работенку сыскал. Месяц, как юридический закончил, денег на практику нет. Мамины родственники предложили устроить референтом у нового замминистра – временно, пока приличную службу не найду. В тот, первый раз, я даже испугаться не успел – волновался, что лестницу кровью закапаем.

Мать-Тьма еле заметно кивает, соглашаясь. Она тоже помнит.

Молодой человек делает вид, что медлит... Удар!

– Он может исчезнуть. Швед. Люди иногда исчезают. Поехал, допустим, в парк куда-нибудь за городом...

Ее ракетка начеку:

– Или заблудился в нашем Историческом музее. Нет! Шведы будут искать его целый век. Сейчас там у власти социалисты, мы для них ничем не лучше наци. Из Эрца сдела-

ют монстра, из нас – людоедов... Шарль! За что был арестован Густав Пахта?

Рука молодого человека не медлит. Лети, шарик!

– Дело студентов политехнического института. Задержан, отпущен через неделю, установлен негласный надзор.

Перерыв, невидимые ракетки – на подоконнике. Молодые люди думают, Мать-Тьма ждет. Наконец девушка возобновляет игру, вновь кидая шарик:

– В чем обвиняли парней из политехнического?

Шарль парирует легко:

– Рядовой процесс, ничего особенного. Тайные собрания, листовки, распространение клеветнических материалов...

– ...И еще гомосексуализм.

Отбил, даже не глядя:

– Моя идея. Двое из них действительно были в свое время замечены и отловлены, в школе, в выпускном классе. Организовали «общество уранистов», даже членские билеты нарисовали. Дело замяли, но бумаги остались. Когда Эрц приказал готовить процесс, я подумал, что господ уранистов не слишком любят. Решил сотворить амальгаму. Это когда...

– Не поясняй. Я училась в школе.

Не поймал! Невидимый шарик катится по полу. Мухоловка шагает вслед за ним, останавливается возле трупа в белой рубашке:

– Вигорорс что-нибудь писал о студентах-политехниках? Пусть даже не он, а его знакомые социал-демократы. Шведы

обожают копаться в чужих простынях.

Шарль держит ракетку наготове, но фразы-шарики летают по темной комнате, невидимые и неуловимые. Падают на пол, прямо в кровавую лужу, взлетают к потолку, врезаясь в тяжелую бронзовую люстру. И снова вниз, к крови поближе.

– Нужны два свидетеля – сосед по лестничной площадке и приятель Густава Пахты, лучше всего тоже из «левых». Густав Пахта рассказывал ему, что дядя, Арнольд Пахта, желает принудить парня к вступлению в половую связь со своим гостем, шведским социал-демократом Карлом Вигорорсом. Густав возражал, но дядя настаивал...

Молодой человек наконец-то смог поймать ракеткой верткий шарик-летун. Мать-Тьма одобрительно подмигнула.

– Швед и его друзья поддерживали «уранистов» из политехнического, помогали деньгами, обещали раскрутить компанию в мировой прессе. «Голубой интернационал» за работой. Отказаться актер не смог.

Ответный удар – прямо в лицо, в стеклышки очков.

– Обоих нарядить в кожаную сбрую – ту, что надевают извращенцы. И плетку сюда! А заодно журналы с мальчиками, с козочками, а лучше с ослами. Здесь, на квартире известного оппозиционного деятеля и столь же известного гомосексуалиста Пахты происходила оргия, в ходе которой ее участники поссорились. Швед-извращенец выхватил оружие, профессор – тоже... С оружием, Шарль, разбирайся сам. Крутись, как хочешь, но парни из отдела экспертизы должны все

подтвердить.

Молодой человек отбивает умело, ловко:

– Сделаю... Второй свидетель, сосед по лестничной площадке, услышал крик.

Удар! Сильный, без промаха.

– Лучше – соседка, убедительней. Приоткрыла дверь, увидела молодого человека – голого, в кожаной сбруе. Его как раз затаскивали назад в квартиру. Пока соображала, слышались выстрелы – их через дверь различить можно. Позвонила в полицию, ее звонок, само собой, должен быть зафиксирован.

Последние удары уже без души, почти наугад.

– В семь утра бери кого-нибудь из Министерства иностранных дел и тащи сюда шведского посла. Никакой слабости! Мы эту мерзость скрывать не собираемся, расследование уже начали...

Шарик висает в воздухе. Ничья!

– ...И только из уважения к дружественной Швеции согласны на кое-что закрыть глаза. Да, такого скандала они не захотят. Гомосексуалист-убийца из правящей партии, член центрального правления и еще, кажется, личный друг премьер-министра. Пусть выбирают между автомобильной аварией и сердечным приступом.

Матч кончен, ракетки брошены на пол. Мать-Тьма осталась довольна – прекрасная игра!

– Опять из-за этих скотов ночь пропала! Я не о полицейских, что взять с недоумков? Я о господах либералах. Профессора, артисты, богема, дьявол ее раздери... Гитлер со своей «ночью длинных ножей» прав, по-варварски, по-людоедски, но прав. Эрц слишком мягок. Я бы подготовил операцию за месяц. Никаких трупов в ящиках, комар носа не подточит: улики, признания, показания свидетелей. Все бы вычистил, до белых костей! А то ерунда выходит, на страну один-единственный концлагерь. Еще и прокуратура возмущается, права, видите ли, нарушаем.

– А ты, Шарль, не нарушай.

– Так что, фигурантов только за границей потрошить? Ты вон в Швейцарии наследила, неизвестно, чем еще кончится. Ладно, пора за дело... Кстати, давно спросить хотел. Ты ни в какой партии не состоишь?

– О чем ты, Шарль? Конечно, не состою. Я же, дьявол меня раздери, богема. А если что, у меня есть дюжина медицинских справок. Никаких лишних переживаний, только на службу и назад, месяц в году – профилактическое обследование.

– Аполитичный преподаватель, дрессировщица Муз и к тому же пострадавшая от режима... Разумно, однако времена меняются. В наши партии вступать не имеет смысла, но

три дня назад Министерство юстиции зарегистрировало новую. Она у нас не первый год работает, только прежде считалась иностранной.

– НСДАП?

– Она. Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

4

– Дамы и господа! Экипаж «Олимпии» приветствует вас на борту нашего воздушного корабля – самого совершенно-го творения германского гения, покорившего Пятый океан. Оглянитесь вокруг – все, что вы видите, задумано, спроектировано и построено на земле Германии, нашего любимого Рейха...

Уолтер взялся поудобнее за поручни и наклонился вперед. За стеклом пассажирского салона была земля – зеленое весеннее поле Лейкхерста. Серебристые силуэты самолетов, коробочки-домики, в одном из которых он попрощался с племянником. Дирижабль поднялся уже высоко, но молодому человеку почему-то казалось, что он не летит, а плывет. Невидимые волны уносят корабль все дальше от берега, полоска зелени становится все меньше, все уже...

Гладкие, уверенные фразы, доносящиеся из репродуктора, почему-то раздражали, вызывая протест, хотя слушать было интересно. Об «Олимпии», воздушном чуде, много го-

ворили и еще больше писали, причем совершенно разное. Теперь же имелась возможность узнать подробности. Итак, Проект LZ 130, следующий шаг после знаменитого «Гинденбурга», который уже неоднократно посещал Нью-Йорк... Первый визит небесного фельдмаршала Перри хорошо помнил, красиво смотрелся немец!.. Первоначально планировалось осуществить первый полет в июне этого года, но по личному указанию нашего – ихнего! – фюрера Адольфа Гитлера... Само собой, в Рейхе без фюрера и спичка не зажжется!.. Работы были ускорены с тем, чтобы к началу будущих Олимпийских игр... Про Игры Перри тоже слышал немало, от Штатов в Берлин едут Джек Уилсон и Луис Лаури, боксеры что надо, уделают «гансов»! Но это в августе, а пока... Пока следует установить бесперебойное воздушное сообщение между Берлином и столицами ведущих стран мира... Ведущих – интересно, куда?

Голос был женским, но каким-то неживым, лязгающим, с металлическим привкусом. Но, может, дело было в том, что Уолтер давно не слышал немецких слов. Он любил вечерами включать радио, разыскивая музыкальные новинки со всего света. Переходил с волны на волну, вслушивался в знакомую и незнакомую речь – английскую, французскую, испанскую. Немцы попадались реже всего – на волнах радиостанций Рейха слушать практически нечего – или старые оперетты, или народный «фольк».

– ...На сегодняшний день «Олимпия» – самое большое

воздушное судно в мире. Его длина – 245 метров, максимальный диаметр – 41 метр. В баллонах содержится 200 000 кубометров газа. Как вы знаете, дамы и господа, это водород, что и объясняет принятые на корабле исключительные меры предосторожности. Благодаря им вы можете чувствовать себя в полной безопасности. Уважаемые курильщики! Ваши интересы тоже учтены. На «Олимпии» оборудован курительный салон, где имеется единственная на корабле электрическая зажигалка. Вы поразитесь тому, насколько изобретательна немецкая техническая мысль...

Земля исчезла, скрывшись за серой непроницаемой дымкой. Уолтер вздохнул, привычно потер подбородок, прикинув, чем бы ему, некурящему, заняться. Вещи, плащ, портфель и шляпу он оставил в каюте, решив не возвращаться туда до вечера. Что делать в алюминиевом пенале? Брошюру про скалолазов сунул в карман пиджака, но читать совершенно не хотелось. Мелькнула и тут же пропала мысль пообщаться с кем-нибудь из пассажиров. Еще при посадке молодой человек понял, что угодил определенно «не туда». На одежду да на перстни-кольца тех, кто вместе с ним оказался на «Олимпии», даже смотреть не стал – вполне хватило лиц. За недолгие двадцать четыре года удалось набраться опыта, чтобы с первого раза понять, в чьей ты стае. Оказавшись на посадочной палубе, Уолтер бегло огляделся и здраво рассудил: все три дня на борту – его. Никто не помешает. Хочешь про скалолазов читай, хочешь в небо смотри. И пусть костюм

на нем новый, из хорошего магазина, и туфли приличные, и рубашка. Здесь он – «чиканос». Хорошо еще вниз не скинут, далеко падать!

– ...Наш корабль оснащен четырьмя дизельными двигателями «Даймлер-Бенц» DB 602 V-16 максимальной мощностью до 1200 лошадиных сил. Для хранения 60 тонн топлива используются баки емкостью до 2500 литров. Их герметичность полностью гарантирована. «Олимпия» развивает скорость до 135 километров в час. Для наших американских гостей – это почти 84 мили! 84 мили в час, дамы и господа!..

Невольно прислушавшись, Уолтер кивнул. Считай, слово в слово! Именно эти самые 84 мили помянул шеф, рассказывая о грядущей поездке. Трансатлантические авиарейсы пока еще мечта, пусть и близкая, а время не терпит. Оно, как известно, не только деньги, мистер Перри, но и репутация. В Европе ждут наши материалы. По вине некоторых нерадивых сотрудников их не успели вовремя подготовить, а значит, все теперь зависит от вас, мистер Перри! Руководство сочло возможным отправить вас на «Олимпии», мистер Перри, пользуйтесь случаем! Вы же не боитесь летать? В конце концов, двадцать пять долларов в день – хорошее лекарство от воздушной болезни, ха-ха!

Шеф так и сказал «ха-ха» – словами. Смеяться не стал. То ли счел ниже своего достоинства, то ли самому было не слишком весело.

Теперь в пассажирском салоне, прозванном не слишком

грамотными газетчиками «прогулочной палубой», играла музыка. Уолтер прислушался, но так и не узнал мотив. Классика, а здесь он не на коне. Молодой человек еще раз, уже без всякой надежды, окинул взглядом окружавшую его публику. Если верить даме из репродуктора, на борту сейчас 82 пассажира. Значит, считай, все здесь. До ужина еще далеко, музыкальный салон откроется только вечером, кинофильм будут крутить завтра... Что там еще обещано в проспекте?

За одним из столиков трое пожилых мужчин и одна дама в сером платье, тоже не слишком молодая, уже успели разобрать карты. Ну конечно! Перед отлетом Джонни не преминул пересказать сплетню, слышанную им тут же, в Лейкхерсте. Во время рейса Берлин – Нью-Йорк некий пассажир «Олимпии» сподобился проиграть все, вплоть до носового платка. Весьма этим огорчившись, он поспешил свести счета с опостылевшей жизнью. Не тут-то было! Оружие на борт не пронесешь, повеситься негде и не на чем, яд не купишь. Каким-то образом страдалец умудрился-таки заморить себя до смерти, и теперь его брэнное тело прячут в холодильном шкафу на кухне чудо-дирижабля, за ящиками рыбных консервов. Известно же это стало благодаря бдительности пограничного контроля. Не сошлось число пассажиров, а потом и кто-то из видевших проболтался.

Перри-младший настоятельно советовал родственнику следить за тем, что ему накладывают в тарелку. Знаем мы этих немцев!

Другую сплетню Уолтеру рассказали куда более взрослые люди. И тоже про карты. На борту «Гинденбурга», старшего брата юной «Олимпии», чуть ли не с первого рейса замечены профессионалы самого высшего класса. Не шулера, таких бы на борт не пустили – игроки, из тех, что давно уже прописались в солнечном Монте-Карло. Поскольку в небо поднимались, как правило, не курьеры, а люди весьма состоятельные, этот факт никого особо не удивил. На всех крупных морских лайнерах давно уже идет серьезная игра, так отчего ей не быть на воздушных?

«Олимпия» торопилась продолжить традицию.

За соседним столом тоже собрались играть. На этот раз в бой спешила молодежь: две разодетые девицы и их лощеные спутники в приталенных черных костюмах. Один при монокле, другой – с элегантной тростью. Вот уже и раздавать начали... Уолтер не без сожаления вспомнил, что забыл прикупить в дорогу пару колод. Игроком, тем более профессиональным, он не был, состояний не проигрывал, но... Кто без греха?

* * *

Отец научил его раскладывать пасьянсы. Мама – паре самых простых игр. Во дворе сверстники лихо шлепали картами, подставляя лбы под честно проигранные щелчки. А чем еще заняться, если в кармане в лучшем случае пара центов,

а чаще всего – дыра?

На деньги отец играть строго запретил. Заставил поклясться.

Маленький Уолти отца слушался, но, обыгрывая друзей или, что случалось чаще, терпя неудачу (щелчок – раз! щелчок – два!), отметил некую странность. Карты одни и те же, а вот игры совсем разные. Маминых во дворе не знали.

А потом он впервые приехал в Теннесси, на родину предков. Здесь, на склонах Аппалачей, когда-то поселилась семья прапрадеда. Было это так давно, что Уолти невольно ожидал увидеть нечто, сошедшее со страниц учебника истории или даже из романа самого Фенимора Купера: следопыты с кремниевыми ружьями, индейцы с томагавками.

Индейцев в поселке с табачным именем Пэлл Мэлл не оказалось. Там даже было электричество – линию дотянули за год до этого. Но все прочее...⁶

Сперва его удивило, что в единственном поселковом магазине расплачиваются не только деньгами, но и чем попало – свежими куриными яйцами, куском вяленого мяса, а то и пригоршней гвоздей. Продавец, он же хозяин, ничуть не возражал. Выяснилось также, что владелец магазина еще и проповедник, наставляющий паству по воскресеньям. Он же руководил поселком. Имелась ли в Пэлл Мэлле какая-ни-

⁶ Реалии славного поселка Пэлл Мэлл и штата Теннесси заимствованы из художественного фильма «Sergeant York» (1941 г.). Автор искренне благодарит его создателей.

будь иная, законно избранная, власть, Уолтер так и не узнал.

Мужчины носили оружие, и не револьверы, а тяжелые охотничьи ружья. Женщины от них не слишком отставали. Оружие могли получить даже дети, но только с разрешения отца или матери. Вскоре по приезде Уолтер стал свидетелем того, как соседка вручила охотничий карабин десятилетнему мальцу, дабы тот привел домой загулявшего в соседнем поселке старшего брата.

Брат был доставлен под материнский кров под конвоем. Карабин малец нес на изготовку.

Но это было еще ничего по сравнению с тем, когда Уолти понял, что в доме его родичей не говорят по-английски! Понимать – понимают и даже вполне свободно изъясняются, если на улице или в том же в магазине. Но вот дома, за крепкими старыми стенами, сложенными из вековых сосен...

– Willkommen, kleine Walter! Ich bin deine Großmutter Dorothea!..⁷

Немецкий Перри-младший учил в школе. Это отчасти спасло.

К бабушке он и ехал. Правда, Уолтер, сразу же ставший Вальтером, был уверен, что ее зовут Лиззи, а вовсе не Доротея. Оказалось, что и так, и этак. Елизавета Доротея София

⁷ Здесь и далее реплики на иностранных языках будут переводиться не всегда. Большинство из них вполне понятны по контексту. Кроме того, автор стремится к тому, чтобы читатели воспринимали их так же, как и герои романа, данными языками не владеющие или владеющие недостаточно. Перевод будет даваться в тех случаях, когда та или иная фраза принципиально важна для сюжета.

в родных стенах предпочитала свое второе имя. Именно так ее называли в детстве, в родной Германии.

А потом Вальтеру подробно разъяснили, что и он, собственно говоря, немец. То есть, конечно, американец, как они все, патриот и гражданин, но если копнуть чуть глубже...

Вечером, после ужина, вся большая семья – бабушка, два ее сына и внуки, те, что постарше, сели за длинный, потемневший от времени стол. Глава семьи распечатала свежую колоду, улыбнулась:

– Во что вы там играете у себя в Нью-Йорке, маленький Вальтер?

Спросила, естественно, по-немецки.

* * *

Возле первого столика уже собралась небольшая толпа. Стояли тихо, не мешали. Игроки явно не возражали, общее внимание им даже льстило. Уолтер мельком взглянул на расклад и пожал плечами. Покер! Не слишком оригинально.

На борту «Олимпии», если верить все тому же проспекту, имелся магазин. Молодой человек прикинул, что колода карт там наверняка найдется. Играть не собирался (не те партнеры), но разложить перед сном знакомый с детства пасьянс был не прочь. Не книжку же читать в самом деле!

Достал из кармана брошюру про скалолазов, на обложку

с горным силуэтом взглянул.

Спрятал.

Джон Гилл, конечно, мастер, прямо-таки Человек-паук⁸, но и ему, Уолтеру-Вальтеру, Аппалачи знакомы. Горы начинаются прямо за Пэлл Мэллом, и какие! Та, что ближе всего, именуется Семь Пещер (на самом деле их даже восемь). И скалы там – залюбуешься. Правда, не на каждую залезешь, не всем пауками дано родиться.

– Опять покер! Мы же в конце концов не в Штатах, господа!..

Кто-то за левым плечом не преминул выразить вслух то, о чем Уолтер подумал.

– Покер привезли в Европу янки во время Великой войны. Зачем же уподобляться варварам?

Молодой человек сглотнул. Кажется, началось. Оборачиваться не стал, но и так ясно, что ненавистник покера не слишком молод – и происхождением не из гамбургских грузчиков.

Кто-то, тоже за спиной, попытался возразить, не слишком уверенно. Голос, однако, не унимался, напротив, загустел, наполнился тяжелым сарказмом.

– Не варвары? Ну, пусть не все из них варвары. В Штатах много немцев, что отчасти облагораживает, согласен. Но только отчасти. Культура! Игры, в которые играет нация, го-

⁸ Автор знает, что данный персонаж появился на страницах комикса *Amazing Fantasy* № 15 в августе 1962 г.

ворят сами за себя. Poker! Игра с кольтом на коленях! Дайте мне посмотреть на американца, умеющего играть во что-нибудь приличное! Да хоть... Хоть в эльферн! Да-да, в самый обычный эльферн!

Уолтер Квентин Перри неторопливо оглянулся, поправил пиджак, поймал взглядом стеклянный блеск монокля.

– Смотрите!

* * *

– ...Козырей, между прочим, в эльферне нет, не сбивайте. После того, как все розданные карты на стол лягут, их забирает тот игрок, чья карта окажется старше по достоинству. А дальше... После каждого розыгрыша два участника игры добирают по одной карте из колоды. Первым берет тот, кто и ходил первым...

Немец оказался похож на немца – рослый, широкоплечий, крепкий несмотря на возраст, голова большая, тяжелая. Волос почти нет, зато усики в наличии, прямо как у Гитлера с фотографии.

Монокль, батистовый платок в нагрудном кармане, надменный оловянный взгляд. Цветочек в петлице. Белый.

– ...Если колода разобрана, игрокам не обязательно ходить в масть, даже если такая карта у них имеется. По окончании последнего розыгрыша... Он должен быть... Шестнадцатым, точно! Становится ясно, кто победил. Онеры под-

считываются, ну и... Что вы меня расспрашиваете, давайте лучше сыграем. Только не на деньги.

Уолтер перевел дух. Действительно, устроили экзамен, тевтоны! Главный немец переглянулся с остальными. Еле заметно дрогнули губы.

– Необходимости пока не вижу. Однако учитывая слышанное, согласен внести в свое высказывание некоторые коррективы...

Разбирались подальше от столов, чтобы прочим не мешать. Вначале Уолтеру думалось, что без хорошей драки не обойдется. И плевать, что в поднебесье, под гул моторов «Даймлер-Бенц». Оно так даже веселее.

Варвары, значит?

Тем не менее, до кулаков не дошло.

– ...Мое заявление теперь звучит так: не все янки варвары, а некоторые из них знают, как играть в эльферн. Вы удовлетворены?

Уолтер мысленно проговорил слышанное. Со вторым спорить не приходилось, первое же... Варвары, понятно, не все, но ведь встречаются же! Стоит за угол завернуть – с авеню на стрит...

– Согласен, – буркнул он без особой приязни.

Тевтоны вновь переглянулись и, даже не поклонившись, разошлись. Не все – главный, в монокле и с усиками, остался. Не иначе, все-таки подраться решил.

– Поскольку этот маленький инцидент можно считать ис-

черпанным, решусь сделать одно замечание, – оловянный взгляд сверкнул внезапной насмешкой. – Подобный патриотизм весьма похвален, но... Согласитесь, вы же сами – немец!

– С какой этой стати? – окрысился гражданин США Уолтер К. Перри.

– С фонетической. Ваш немецкий неплох, но его не учат в школе. Это «лаузицер» – средненемецкий диалект. А по тому, как вы произносите «о» и «е», могу предположить, что тот, кто вас учил, родом из Позена – или откуда-то неподалеку. Вряд ли это был школьный учитель, вероятнее всего, родственник.

Уолтер наскоро вспомнил учебник.

– Могу и на «хохе», если вы так настаиваете.

Бесцветные губы сложились в некое подобие улыбки.

– Не трудитесь. Я ни на чем не настаиваю. Но «лаузицер» в ваших устах звучит не в пример убедительней.

О том, что его немецкий – не «хохдойч», а нечто совсем иное, Уолтеру рассказали в армии, на курсах иностранных языков. Пришлось учить «хох», что оказалось делом не слишком трудным. Сложнее давался *Español mexicano*, который, как выяснилось, нечто иное по сравнению с просто *Español*.

– Нас некому представить, поэтому беру инициативу на себя. Виллафрид Этцель фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау, барон. С первого раза это запомнить

невозможно, поэтому смело сокращаем до «барона». Вполне демократично, согласитесь. Впрочем, если и у вас имеется титул, можете его не скрывать.

Теперь уже Виллафрид Этцель фон Ашберг... и так далее ухмылялся искренне, от души. Уолтера так и тянуло назваться каким-нибудь Вальтером Квентином фон Перри-Пэллм-элл цу Вольфлюсс герцогом Теннесси-и-Кентуккийским, но он предпочел не дерзить. Свое доказал, а ругань без драки – дело пустое.

– Уолтер Перри. Нью Йорк, Ист-сайд, Третья авеню⁹. А титулы у нас еще при Джордже Вашингтоне отменили.

5

– Все ясно? – строго спросила девушка.

– Да-а-а-а! – хором пропели ученицы. – Ясно-о-о!

– Ну, смотрите, конкурс через месяц. Надеюсь на вас, мышки!

Улыбнулась, махнула рукой, закрыла дверь класса, на миг прикрыла глаза. Все сделала? Все!

Домой!

Короткий коридор, широкая лестничная площадка с бронзовым бюстом Моцарта, мраморная доска на стене – белый камень, золотые буквы. Надпись она выучила наизусть,

⁹ Все адреса в Нью-Йорке вымышлены и подобраны автором исключительно по законам фонетики.

когда еще сама ходила в ученицах. «В лето Господне 1783 повелением и милостью Его Светлости...» Пять строчек, над ними – геральдическая корона. Три года назад, по случаю очередного юбилея, Моцарта хотели заменить Его Светлостью, тоже бронзовым, чей бюст давно уже пылился в музее. Угодил он туда в бурном 1918-м, чудом избежав переплавки. Не пора ли вернуть? Как ни крути, Основатель.

Моцарта отстояли, но Его Светлость из музея все же извлекли, пристроив на третьем этаже.

Это – второй. Два широких пролета белой лестницы, мраморные перила, мраморные ступени, огромное окно почти во всю стену. Щедр был Его Светлость, жаль, витражи пропали – осколками разнесло. Велик был год и страшен по рождестве Христовом 1918...¹⁰

Но и простые стекла – красиво. Весеннее солнце, весеннее небо.

– Уже убегаете?

Коллега. Улыбнуться. Кивнуть. Вздохнуть устало.

– У меня с самого утра занятия. Заменяю. А еще конкурс...

Коллега (средних лет, среднего ума – и таланта среднего) не из вредных. Муж – полковник Генерального штаба, значит, не бедствует, работает больше для души. Иногда помогает. Зато – первая сплетница.

– А еще вас кое-кто ждет – на стоянке напротив. Меж-

¹⁰ Для тех, кто родился после 1991-го: Михаил Булгаков «Белая гвардия».

ду прочим, у него новый мотоцикл. Чешский – JAWA 250 Special¹¹. Неплохо для студента!

Муж-полковник в технике явно разбирается и даже супругу сумел поднатаскать. Спорить не имеет смысла, значит снова улыбнуться, пожать плечами...

Уходим!

Двумя ступеньками ниже девушка стерла с лица ненужную улыбку. Студент – сама виновата, обмолвилась месяц назад. Болтали с профессором Кашке – просто так, уже после работы, дождь пережидая. Лило от всей души, такое весной редко бывает. Профессор, даром что на восьмой десяток нацелился, глаз имеет снайперский. Он и спросил про «молодого человека спортивных кондиций», шутник. Не промокнет, мол? Она тогда тоже отшутилась, помянув студентов, которым ничего не сделается, и не к тому, мол, привыкли.

Памятливый старичок!

Последняя ступенька... Вестибюль. Слева – столик дежурного, справа – уродливая будка охраны, пустая. На стене еще одна мраморная доска, уже поменьше. И золото тусклое, считай, бронзянка. Три короткие строчки. «Граждане! Остановитесь! Вспомните! Здесь, на этом месте, были зверски убиты трое учащихся...»

Все тот же 1918-й.

Девушка, задержавшись на миг, скользнула взглядом по

¹¹ Все упоминаемые в тексте марки мотоциклов и автомобилей не более чем авторский вымысел.

мрамору. Один из этих троих – их бывший сосед. Тихий молодой человек, очень вежливый, здоровался первым. Ей он тогда казался очень взрослым.

Тяжелая тугая дверь-вертушка...

Солнце!

* * *

Мотоцикл стоял, где и обычно, слева от входа, рядом с большой черной жабой – ректорским «Ситроеном» 7CV. Крепкий парень «спортивных кондиций» скучал рядом, листая какую-то книжонку в яркой обложке. Заметил, махнул рукой.

Девушка ускорила шаг, приглядываясь к мотоциклу. Да, совсем другой, сразу заметно.

Парень закрыл книжку, спрятал в карман серого спортивного пиджака.

– Ну, привет!

– Привет, привет! Долго ждал?

Легкий поцелуй в щеку. Резкий рык мотора. Улица сдвинулась с места, поплыла, помчалась...

Теперь можно не думать об улыбке.

Ехали недолго. Через два перекрестка мотоцикл, свернув на тихую улицу, снизил скорость, рыкнул в последний раз, причаливая к бордюру.

...Серые пятиэтажки, молодые деревца в палец толщиной, пустая лавочка, женщина с детской коляской, старик у входа в подъезд.

Девушка оказалась на тротуаре первой. Поправила платье, волосы, пристроила поудобнее сумочку на плече.

— Как это понимать, Руди? Мотоцикл. Почему другой?

Парень взглянул удивленно. Рука в черной перчатке легла на теплый от солнца бак.

— В гараже выдали, мой кто-то забрал еще утром. Номера мы заменили. Обычные, городские, все чин-чином.

— Я напишу рапорт, лейтенант.

Руди сглотнул, отступил на шаг.

— Из-за этого? Мухоловка, вы что?

Девушка открыла сумочку. Достав пачку сигарет, взвесила на ладони. Спрятала. Резко щелкнул замочек.

— Не поняли? Лейтенант Кнопка...

— Кнопке!

Мухоловка поджала губы.

— Хотите быть истинным арийцем? Тогда для начала сожгите свое личное дело и побеспокойтесь о родне, которая

похоронена на еврейском кладбище. А еще лучше не спорьте со мной, а то мигом вернетесь в уличные регулировщики.

Лейтенант Рудольф Кнопка принялся снимать перчатки. Спыхватился, дернулся, замер по стойке «смирно».

– Вы кто? Вы – мой поклонник, не из богатых, возможно, студент. На авто денег нет, зато есть мотоцикл, которым вы очень гордитесь. Мои коллеги к вам уже привыкли, вы для них нечто вроде рейсового автобуса. А сегодня появились вопросы. Мотоцикл – ерунда, но завтра по вашей вине может случиться что-нибудь похуже. Тогда уже последует не рапорт, а трибунал.

– Но, Мухоловка... Госпожа Мухоловка! – парень сглотнул, провел рукой по горлу. – Что мне было делать? Мотоцикл забрали по приказу...

– Звонить Шарлю. Немедленно, в ту же минуту.

Рудольф невесело хмыкнул, поглядел в сторону.

– Для вас он, конечно, Шарль, а для меня... До старшего референта господина Карела Домучика напрямую не дозвоняется, особенно из служебного гаража. Но я понятливый. Не гробьте меня, госпожа Мухоловка. Обещаю – не повторится.

Госпожа Мухоловка немного подумала.

– Так и быть, поверю. Я к вам успела привыкнуть, Руди. Выгонят вас, пришлют нового, опять воспитывать... Так что случилось?

Лейтенант, облегченно выдохнув, полез в карман пиджа-

ка.

Книжка.

* * *

– «...Могучим хуком Капитан Астероид свалил злодея с ног. Тот упал, скрежеща зубами в бессильной злобе, но все-таки успел выхватить наплечный бластер. Узкий, словно игла, луч с шипением разрезал титановую опору, затем скользнул ниже, коснувшись плеча героя. Задымилась обшивка скафандра...»

Девушка закрыла томик в мягкой обложке.

– Там и дальше такое?

– Хуже, – охотно откликнулся Руди. – Героиня появляется. Блондинка в розовом скафандре по имени Кейт. Вначале я думал, что это мой английский плох, даже словарь взял. Все правильно, «her nipples had gotten hard» – ее, извиняюсь, соски затвердели. Под скафандром.

Мухоловка вновь открыла книгу, перелистала наугад несколько страниц, взглянула на последнюю.

– «...И он нежно вошел в ее лоно. Кейт издала протяжный стон, закатила свои прекрасные зеленые глаза...» Rolled... Действительно, закатила, вероятно, под кровать. Утром их вывели веником. И что я с этим должна делать, Руди? Надеюсь, не учить наизусть? «Rolled her beautiful green eyes» – это я уже запомнила.

Лейтенант рассмеялся, но ответил серьезно:

– Рискну предположить, вас ждет заграничная командировка. Станут на таможне чемодан осматривать, увидят такое. Что подумают? Ничего не подумают, мало ли кто подобный бред читает? Особенно, опять-таки извиняюсь, озабоченные подростки.

– Шифровальная книга, – кивнула девушка.

– Конечно! Нам это еще в училище рассказывали. Пятизначные группы чисел... Эту вам, вероятно, для тренировки дали, настоящую бы я не увидел.

Мухоловка вновь открыла томик, на этот раз ближе к середине.

«... – Да-да, – зачастил перепуганный профессор, не отводя взгляда от нацеленного ему в лоб бластера. – Скажу, я все скажу! Это газ, отравляющий газ! Новый, еще неизвестный, кожно-нарывного действия. Бесцветная прозрачная жидкость без запаха, легко сорби... сорбируется пористыми материалами, хорошо впитывается в окрашенные поверхности и резину... Да уберите от меня этот чертов ствол, я не могу думать! Вам нужны характеристики? Вот таблица, смотрите! Плотность – 1,09 грамма на сантиметр кубический... Дюймы? Нет у меня дюймов, только сантиметры! Тупые янки!.. Плотность паров по воздуху – 4,86...»

Следующая страница...

«...Как определить? Да очень просто! Этот газ в присутствии перекиси водорода дает перекисный анион, способный

окислять ароматические амины в окрашенные diaзосоединения. Что-нибудь поняли, умник? Я же сказал, уберите бластер, у меня сердце больное...»

Яркая обложка в пять цветов. На фоне ошетилившегося орудийными стволами планетобуса странными иероглифами смотрятся ряды химических формул. А вот и таблица с цифирью – прямо над полуобнаженной блондинкой с двумя пистолетами.

– Как вы сказали, Руди? Озабоченные подростки?

6

Уолтер потер подбородок, вздохнул и аккуратно уложил на стол последнюю карту.

– Подсчитали, господин Перри? – гитлеровские усики барона фон Ашберга еле заметно дрогнули. – Напомню: двадцать онеров – это пять очков. Но могу помочь. В годы давние хорошее знание математики мне очень пригодилось. Не в картах, конечно. Я служил в артиллерии на Западном фронте, в армии кронпринца Руппрехта Баварского. Не знакомы с военной историей? Это мы разгромили англичан на Сомме.

Молодой человек, покосившись без всякой приязни, собрал колоду.

– Выигрыш сейчас вам отдать? Тогда я в баре разменяю... Поглядел прямо в оловянные глаза и не выдержал.

– А я с самым сержантом Элвином Йорком, между прочим, знаком. Он сотню ваших за один раз в плен взял! Если хотите точно, то 132. Я тоже цифры помню.

Он хотел добавить, что знаменитый кавалер медали Конгресса¹², гордость Пэлл Мэлла и всего Теннесси, не просто его знакомый, а еще и двоюродный дядя, но вовремя прикусил язык. Незачем откровенничать с тевтоном.

В эльферн все-таки сыграли, устроив матч с короткими перерывами на обед и ужин. У немца оказались две нераспечатанные колоды, а делать все равно было нечего. Барон и предложил, похоже, исключительно из своей баронской вежливости, сквозь зубы. Уолтер подумал – и согласился. Еще решит, что он, янки без титула, трус!

Перри на деньги не играл, фон Ашберг, в свою очередь, не признавал игру «на интерес». Сошлись на ставке по пфеннигу. При таком раскладе проиграть за вечер больше марки практически невозможно.

– Сержант Йорк, – барон брезгливо дернул губами. – Знаком с этой сказкой. «Маас-Аргонский кошмар» – слышали это выражение? Ваши соотечественники, скажем вежливо, еще не слишком умели воевать. Под Маасом потери были жуткие, а в таких случаях пропаганда всегда ищет героев. Вы действительно уверены в вашей цифре?

Уолтер хотел огрызнуться, но внезапно для себя ответил

¹² Реальный сержант Элвин Йорк был награжден медалью Почета (Medal of Honor).

честно:

– Йорк взял в плен троих. 132 – это вся рота за неделю. Но ведь взяли! И восемь пулеметов уничтожили¹³.

Фон Ашберг невозмутимо кивнул:

– Вижу, вы действительно сильны в математике. Мой сегодняшний выигрыш – четыре пфеннига, господин Перри. Монета такого номинала у нас именуется «Бедный Генрих». Не станем его беспокоить, завтра у вас еще будет возможность отыграться. Вы упомянули бар. Не желаете отметить поражение?

– А я непьющий, – гордо заявил Уолтер Квентин Перри. Слегка соврал, конечно.

* * *

К вечеру пассажирский салон преобразился. За стеклами клубились серые сумерки. Загорелось электричество, тени уплотнились, обрели острые углы. В карты по-прежнему играли, но часть столиков оказалась сдвинута, а возле одной из стен – той, что без окон, начал деловито размещаться оркестр. Намечались первые поднебесные танцы, о чем уже успела известить невидимая дама в репродукторе.

Уолтер решил, что самое время возвращаться в каюту-пенал. Там наверняка тоже есть электричество, а значит можно

¹³ Авторский вымысел. На всякий случай автор приносит свои извинения сержанту Йорку и его сослуживцам.

без помех продолжить знакомство с книгой Человека-паука, покорителя скал. Кое-что интересное он уже успел отметить. Маленький Вальтер Перри со своими приятелями облазил все горы в окрестностях Пэлл Мэлла, скалы тоже вниманием не обходил, но, само собой, без крючьев, шлямбуров, карабинов и прочего мудреного железа. Веревка – да, было, однако маленькому Вальтеру и в голову бы не пришло, что по ней не спускаются, а «дюльферяют».

Сильна она, наука!

Молодой человек взглянул в темное безвидное небо, прикинув, на какой они сейчас высоте. Наверняка выше километра. Гора Семи Пещер, умноженная надвое, и еще соседний холмик в придачу. И – никаких особых чувств. Почти как в поезде, только трясет меньше.

– Эй! Эй, вы!..

На «эй» Уолтер обычно не реагировал, но голос был женский. Пока он раздумывал, как поступить, в его предплечье впились чьи-то пальцы – маленькие, но весьма твердые.

– К вам обращаюсь!

...Носик-пуговка, голубые северные глаза, светлые волосы до плеч, белое платье в стиле Джоан Кроуфорд (широкие плечи, воланы на рукавах). Холодный равнодушный блеск бриллиантов. Колье на груди, серьги в ушах.

– Что вам нужно от моего дяди?!

Чуду было лет восемнадцать, поэтому Уолтер придержал то, что так и просилось на язык.

– Простите?

Сам же попытался сформулировать ответ. А действительно, что ему нужно?

– Вы что, глухой? Я, кажется, задала вопрос!

– Пожалуй, – Перри в нерешительности потер подбородок, – пожалуй, я был бы не против, фройляйн, если бы барон Виллафрид Этцель фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау сбрил усы. Они ему совершенно не идут.

Пальцы сжали предплечье, светлые глаза плеснули гневом.

– Авантюрист! Думаете, вы первый, кто охотится за его деньгами? Имейте в виду, как только вы пересечете границу Рейха, вас немедленно арестуют. наших связей на это хватит!

Молодой человек не стал спорить.

– Знаете, фройляйн, это платье вам не к лицу. Джоан Кроуфорд чего такие носит? У нее фигура, как у больной каракатицы. А вы больше на зубную щетку похожи.

Осторожно отцепил чужие пальцы от пиджака, шагнул к алюминиевым ступеням лестницы. На первой ступеньке не выдержал, обернулся. Зубная Щетка исчезла, словно ее и не было. Зато оживился оркестр. Дирижер в черном фраке что-то втолковывал скрипачу, тот кивал, тускло блестела медь корнета. А вот и певица – черное платье, серебряные брызги по ткани.

Уолтеру расхотелось уходить. Вальсировать в таком об-

ществе он не собирался, но хотя бы послушать.

Дирижер раскланялся, взмахнул рукой...

Танго!

Молодой человек невольно вздохнул. Танго он очень любил, а вот танцевать так и не научился. Жаль!

Певица выступила вперед, улыбнулась...

В знойном небе
пылает солнце,
В бурном море
гуляют волны,
В женском сердце
царит насмешка,
В женском сердце
ни волн, ни солнца,
У мужчины
в душе смятение,
Путь мужчины –
враги и войны,
Где, скажите,
найти ему покой?
Ах, где найти покой?!

Ступени сменялись ступенями, негромко, привычно гудели могучие моторы, голос певицы становился тише, но музыка все звучала, все не хотела отпускать...

А любовь

мелькает в небе,
Волну венчает
белым гребнем,
Летает и смеется,
и в руки не дается,
Не взять ее никак!

О Аргентина, красное вино!¹⁴

¹⁴ Текст танго «Аргентина» (три первых куплета) написан Олегом Ладыженским, за что автор ему чрезвычайно признателен.

Глава 2

Дорога до Волчьей Пасти

Яркая обложка, глупые герои. – Подарок от мисс Виктории. – Вступайте в клуб, господин Вальтер Перри! – Мухоловка в подвале. – Мистер П и мистер Н. – Сержант Ларуссо и Волчья Пасть. – Подарок к Рождеству.

1

– ...Желательно, чтобы ваша сторона серьезно отнеслась к переговорам. Я не связан с посольством, лишняя инстанция ни к чему. Разговаривать напрямую проще.

– Советскую разведку не устраивает моя кандидатура в качестве контрагента?

– Напротив, госпожа Мухоловка. Именно ваше участие обнадеживает. То, что мы о вас знаем, говорит в вашу пользу.

– Знаете обо мне? В самом деле? Значит, мое начальство прислало не того человека.

– Мир тесен. Девять лет назад, в 1927-м, в июльском восстании принимала участие совсем молодая девушка, студентка Академии искусств. Она была связной центрального штаба. Таких людей мы не забываем.

– Восставшим обещали помощь. А потом бросили.

– Нет, мы помогли всем, кому смогли. Связная штаба должна это знать. К сожалению, нам сообщили, что эта девушка попала в плен. Ее пытали, а потом убили.

– Это правда. Ее пытали и убили. Но данный факт не относится к теме переговоров. Прежде всего, мне велели передать, что ничего не изменилось. Наша страна отказывалась и отказывается впредь быть посредником в закупках оружия и военных технологий для СССР. И на официальном уровне, и нелегально.

– Это неразумно. Вы лишаетесь очень хороших прибылей.

– Напротив, это разумно. Вы не хуже меня знаете, что в правительстве есть сторонники ориентации на Гитлера, но есть и противники. Они не слишком дружны.

– Противникам Гитлера мы готовы всячески помогать.

– Вы не можете дать гарантии нашей независимости, а это главное. Гитлер взял курс на аннексию, помочь нам могут либо Франция, либо Италия. Сотрудничество с СССР в военной области, стань оно известным, обречет нас на полную изоляцию. Слишком велик риск.

– Я не уполномочен решать вопросы высшей политики. Но вы должны понимать, госпожа Мухоловка, что только моя страна сможет остановить Гитлера. Для этого нужна армия, и мы ее создаем.

– Помощь нужна живым, а не мертвым. По нашим оценкам, аннексия может произойти в течение двух ближайших

лет. Если за нашу страну не вступятся, мы погибнем. Вы не успеете.

– Страны Запада готовы отдать Гитлеру половину Европы, чтобы натравить его на СССР. Решающая схватка неизбежна. Поэтому всякая помощь нашей стране ослабляет Рейх – и в том числе отдаляет вашу гибель.

– Два года назад Бенито Муссолини предложил создать Антигитлеровскую коалицию¹⁵. Вы даже не ответили. Я не вижу предмета для дальнейших переговоров.

– Такой предмет есть, госпожа Мухоловка. Разведка сама по себе не выигрывает войн, но оказать очень серьезную помощь может. Повторюсь: в интересах вашей страны все, что ослабляет Рейх и усиливает его врагов. Даже то, что на первый взгляд выглядит как совершенный пустяк. Недавно мы передали вам несколько книг. Наверняка вы их видели: яркая обложка, глупые герои...

– Чтение для озабоченных подростков. Приключения героического Капитана Астероида и его подружки в розовом скафандре с перламутровыми пуговицами...

– ...А также описание отравляющего вещества «зарин», которое собираются производить в Германии, новейшего истребителя «Мессершмидт» и французского дальнобойного орудия последнего поколения.

– «И он нежно вошел в ее лоно...». Да, впечатляет. Что же вы хотите от нас?

¹⁵ Это не фантастика. Дуче также принадлежит сам термин.

Потолок в каюте был совершенно неопределенного цвета. С третьей попытки Уолтер обозначил его как светло-желто-розовый с легким дымком. Такого же тона стены, пол же вообще лиловый. Всезнающая дама в репродукторе объяснила, что данная цветовая гамма подобрана лучшими медиками Великого Рейха, как наиболее подходящая «для отдыха и расслабления».

В подобных изысках Уолтер Перри не нуждался. Спал он крепко, тем более сосед попался сознательный – не храпел и не буйствовал.

– Заффтак! – донеслось снизу. – Мсье Перри, кушать!

Места разыграли в орел-решку. Усатому живчику-французу досталось нижнее, американец вознесся на верхотуру, о чем несколько не пожалел. Он и в поездах предпочитал верхние полки.

– Мсье Перри!

Фамилию Уолтера живчик произносил, само собой, с ударением на последнем слоге.

– Да-да, – спохватился Уолтер. – Уже иду. Как думаете, лягушки будут?

– Лягушки? Откуда? Эти боши умеют готовить только подмьетка с картошка. О-о, мсье Перри, как я не люблю бошей!

Про лягушек, а заодно и про немцев поговорили сразу же после знакомства. Сосед, узнав, что мсье Перри – американец, был чрезвычайно рад. Пребывать в одной в каюте с «бошем» ему было бы нелегко. Насчет же лягушек сообщил, что их и вправду едят, и ничего в этом военного нет. Вот улитки, которыми не брезгают итальянцы-макаронники – это и вправду подозрительно.

От верхней полки до лилового пола – полтора метра с небольшим. Можно воспользоваться алюминиевой лестницей, но молодой человек предпочел просто спрыгнуть. Уже оказавшись внизу, сообразил, что по-прежнему держит в руках томик в твердой обложке. Взял, чтобы перелистать перед сном, потом пару раз раскрыл утром.

Глазастый сосед заметил, дернул изящными усиками.

– Мсье Перри, мсье Перри! Вредно чыитать лъежа, мне это еще матыюшка запрещала.

Уолтер, метким броском отправив томик обратно на верхнюю полку, набросил пиджак.

– Смотря о чем. Я в детстве комиксы про Бурундука Робина при свече разбирал. Но эту – да, не стоит.

* * *

Книга, столь не угодившая Уолтеру Квентину Перри, именовалась «Квентин Дорвард». О Вальтере Скотте, своим тезке, Уолтер имел некоторое представление, еще школьни-

ком просмотрев подряд «Ламмермурскую невесту», «Ричарда Львиное Сердце» и целых две «Пертские красавицы», одну с Сильвией Кейн, другую с Луиз Морель¹⁶. Фильмы были так себе, не слишком интересные, красавицы же откровенно разочаровали. Он бы ни за что не взял с собой потрепанный томик с рыцарем на обложке, но с книгой была связана некая история, не слишком понятная, даже интригующая.

Начальников, шефов, боссов и всяких «сэр! так точно, сэр!» Уолтер навиделся за свою не слишком долгую жизнь с избытком. Набрался впечатлений на сто лет вперед, а заодно и выводы сделал. Среди прочего уверился, что редкий начальник сам занимается делами. Его удел – рычать на подчиненных и жевать сигару. Работу делают секретари, и чем неприметнее они, тем к реальной власти ближе.

Его нынешний шеф словно сошел с журнальной картинки. Пухлые щеки, гаванская сигара, галстук в крапинку – и ноги на столе. Возражений не терпел, отметал с порога. Тех, кто угодил, угощал дрянным кубинским ромом, в провинившихся тыкал толстым пальцем с ногтем в маникюре. Недаром говорят, что у босса каждый перст – указательный! Всеми же делами занималась секретарь – мисс Виктория. Она была именно секретарем, а не легкомысленной «секретаршей» из голливудских комедий. Высокая, худая, не пойми какого возраста, в темном платье с застежкой под горло. Ни

¹⁶ Здесь и далее будут упоминаться художественные фильмы. Часть из них является авторским вымыслом.

косметики, ни украшений. Говорила хрипло, взглядом прожигала. Над столом, где мисс Виктория вершила дела, красовалось фото в деревянной рамке. Там тоже присутствовала мисс Виктория – двадцатью годами моложе, в военной форме на фоне бомбардировщика Airco, он же De Havilland D.H.4.¹⁷

Книги Уолтер получил именно от нее, вместе со всеми документами и билетом на «Олимпию». Но имелась все-таки некая странность. Томики с космическими чудовищами на обложке были выданы без всяких комментариев (кому их передать, объяснил шеф), брошюру про скалолазов велено непременно прочесть до прибытия в Европу. А затем случилась заминка. Мисс Виктория взглянула как-то странно, открыла ящик стола.

– Это вам, мистер Перри. История иногда повторяется. Можете не отдавать. Мой Квентин так и не вернулся.

Что сказать в ответ, Уолтер даже не представлял. Просто поблагодарил.

На лестнице, по дороге в бухгалтерию, задержался, взглянул на обложку. Автор Вальтер – и он Вальтер, герой Квентин – и он, выходит, тоже. Но почему история – повторяется? Открыл книгу, поглядел на первые строчки.

«Вторая половина пятнадцатого столетия подготовила ряд событий, в итоге которых Франция достигла грозного

¹⁷ Все упоминаемые в тексте самолеты являются плодом авторского воображения.

могущества, с той поры не раз служившего предметом зависти...»

Фразу не дочитал. Ничего не понял. Книгу спрятал подальше.

Прошлым вечером, одолев очередной раздел про скалолазов, снова достал томик с рыцарем. Настроился серьезно, изучил первую главу. Король Людовик, Карл, прозванный Смелым, герцоги Бургундский и Бретонский, вассалы, разбойники, плахи с топорами... «Взаимная ненависть двух великих государей достигла крайних пределов, вопреки заключенному ими между собой перемирию, правда временному и очень непрочному...» Невеселые дела творились в тогдашней Франции! Но он-то, Уолтер Квентин Перри, каким боком к этому прислонился? Его история совсем другая!

Открыл вторую главу, скользнул взглядом по строчке. «В одно прелестное летнее утро, в тот час, когда солнце жжет еще не слишком сильно, а освеженный росой воздух наполнен благоуханием...» Нет, мисс Виктория определенно перемудрила. Может, ей самой все это благоухание в детстве нравилось, вот и решила поделиться? А с виду такая серьезная женщина!

3

– Накрываю, – Уолтер положил короля пик поверх дамы и быстро взглянул на карты. Если он не ошибся... Барон еле

заметно дернул усиками, и молодой человек понял, что таки ошибся.

Туз!

Дальше можно не играть. Поражение, да еще третье подряд! Ух, немец!..

– Предлагаю перерыв, – молвил фон Ашберг, аккуратно складывая колоды. – Не желаете заглянуть в бар, господин Перри?

– Не пью!

Оловянный взгляд из-под монокля блеснул насмешкой.

– Кстати, вы правы. Усы мне совершенно не идут. Но, знаете, привычка. Я стал носить такой фасон еще в те годы, когда ефрейтор Шикльгрубер отращивал под носом нечто, напоминающее собачий хвост.

– А я думал, вы за Гитлера, – ляпнул Уолтер и прикусил язык. Барон отодвинул карты, наклонился, взглянул прямо в глаза.

– Во время игры я не разговариваю о политике, господин Перри. Но если вам так интересно, могу пояснить в доступной форме. Когда горит дом, мне все равно, какие усы у брандмейстера.

Откинулся назад, на миг прикрыл глаза.

– Вспомните, что творилось в ваших Штатах во время Великой депрессии. Тут не только об усах забудешь... Не обижайтесь на мою племянницу, господин Перри. Не знаю, что она вам наговорила, но могу извиниться за все сразу.

Молодой человек перевел дух. Лучше уж про Зубную Щетку, чем про ефрейтора!

– Не за что извиняться, барон. Она меня за шулера приняла. Мол, разыгрываю простака, играть не напрашиваюсь, первые несколько партий сдаю.

– За шулера?!

Фон Ашберг, поймав выпавший монокль, моргнул, без особого успеха попытался пристроить стеклышко на место.

– С чего вы взяли?

Уолтер хотел процитировать дивную фразу про охоту за «дядинами деньгами», но так и не решился. Того и гляди, взгреет немец бдительную девицу. Зачем брать грех на душу?

Барон качнул тяжелой головой, взглянул серьезно.

– Дело совсем в другом, господин Перри. Но позвольте не углубляться в наши семейные обстоятельства. Скажу лишь, что Ингрид я воспитывал, как собственную дочь. Ее отец, мой старший брат, погиб еще до ее рождения. Кстати, именно там, под Маасом, где геройствовал ваш сержант. Мать умерла от «испанки»... Когда война кончилась, я узнал, что из всех родственников уцелела только девочка-младенец. Едва ли вам знакома подобная коллизия.

Молодой человек вновь предпочел промолчать, хотя ответить было что. Джон Рузвельт Перри-младший, конечно, не младенец, и его беспутный папа сгинул не на войне...

– Вероятно, из меня не лучший воспитатель, господин

Перри. Ну, уж что выросло, то выросло. Буду вам очень благодарен, если вы не станете обращать внимание на ее эскапады... А сейчас, думаю, все-таки имеет смысл пропустить по стаканчику.

Уолтер привычно вскинулся, но фон Ашберг поднял тяжелую ладонь.

– Я помню. Однако позвольте высказать свое мнение. Я не имею ни малейшего права учить вас жизни, господин Перри. Но представим, что у меня есть не только племянница, но и племянник. Воспитывать и наставлять его – мой неременный долг. Ему бы я сказал так...

Придвинулся ближе, наклонился над столом.

– Вам кажется, что вы попали не в свой круг. Вам не по себе, хочется спрятаться, отгородиться стеной. Это ошибка! Человек сам создает себе свой круг, свой собственный мир. Вы – в его центре, и только от вас зависит, кого приблизить, а кого оттолкнуть. И не так важно, что вы не граф и не сын миллионера. Вы молоды, сильны, здоровы, на вас хороший костюм, вы летите на «Олимпиаде», что доступно только избранным. Причем достигли вы всего сами, а не по отцовской милости. Именно вам должна завидовать вся здешняя публика. Вы – хищник в этом стаде.

Барон поправил монокль, неспешно откинулся на спинку стула.

– Все это, конечно, никак не касается вас лично, господин Перри. Вы в подобных советах не нуждаетесь. А вы-

пить я предлагаю шнапс, в здешнем баре имеется отличный Obstler. Но если хотите экзотики, можете испробовать оба знаменитых коктейля с «Гинденбурга» – «Maybach 12» и «Kirschwasser». Теперь это фирменные напитки германского воздушного флота. Будет чем похвастать.

– А надо? – внезапно для самого себя спросил Уолтер.

Фон Ашберг сверкнул моноклем.

– Надо! Вступайте в клуб, господин Вальтер Перри!..

Кстати, отдадим дань здешним клубным традициям.

Барон неспешно извлек из внутреннего кармана угрожающего вида кожаный бумажник, раскрыл, достал визитную карточку на твердом картоне. Золотой обрез, золотые буквы.

– Прошу!

Уолтер вновь вспомнил суровую мисс Викторию, и не просто так, а с нежностью. Озаботилась, не забыла. Если бы не она, кем бы он, простак-простофиля, сейчас выглядел?

Бумажник, визитка... А в бумажнике еще целая стопка, на пол-Европы хватит.

Фон Ашберг, кивнув одобрительно, поднес карточку к глазам, всмотрелся. Недоуменно повел бровями.

– «Фонд адмирала Д. Г. Фаррагута»? Позвольте! Так вы, господин Перри, что, географ?!

Молодой человек задумался.

– В общем-то... Да!

Оловянный взгляд блеснул внезапным весельем.

– Однако! Признаться, первый раз вижу географа. И что

же вы изволили открыть, господин Перри? Континент? Остров? Южный полюс? Северо-Западный проход?

– Только озеро, – честно отвечивал Уолтер. – Небольшое такое, круглое. Утка называется¹⁸.

* * *

История с озером приключилась через два месяца после того, как Уолтер устроился на новую службу. В фонд, названный именем почтенного адмирала, его занесло, можно сказать, случайно. Молодой человек, конечно, догадывался, что любой случай имеет не только имя с фамилией, но и должность, звание, а порой и агентурную кличку. Однако в его варианте все произошло и вправду само собой.

Как найти работу в Нью-Йорке? Способов полно, но результат не всегда радует – особенно если за плечами только школа и армия. Кормить же требуется троих: себя, Перри-самого младшего и еще голландского кролика, которого племянник тайком вывез из приюта. С самого детства Уолтер знал, что в Нью-Йорке неплохо живут журналисты, гангстеры и копы. В полицию, по стопам отца, идти не хотелось, бандитов парень не любил. В журналисты? Буквы связывать был не мастак, а вот фотографировать умел неплохо. От отца остался старый, но неплохой и надежный Kodak № 2 Flexo,

¹⁸ Такое озеро действительно существует.

однако в первой же редакции молодому человеку объяснили: надеяться не на что. Фотографии, тем не менее, понравились, и один из репортеров посоветовал гостю поискать счастья по некоему адресу.

Счастья Уолтер не нашел, но на работу его все-таки взяли. Служба оказалась хлопотной, почти без выходных и с немалыми издержками, из которых синяк под глазом был не худшим вариантом. Зато платили, не слишком много, но прилично. Хватало и на съемную квартиру в Ист-сайде, и на секцию бокса для себя и для младшего, и даже на проглота-кролика. Взамен приходилось бегать по всему Нью-Йорку, общаться с кучей не слишком приятного народа – и совершенствоваться в фотографии. Случались и командировки, когда всего на день, к примеру, в Нью-Джерси, а когда и на неделю-другую. Именно такая командировка – в Висконсин, штат Миссисипи, и привела его напрямик в Фонд Фаррагута.

Фаррагут оказался адмиралом, героем и вообще парнем хоть куда. Висконсин был местом его славы. В далеком 1863-м адмиральские корабли залпами в упор уничтожили прибрежные батареи упрямых «дикси». Некий свидетель этого события, вдохновившись виденным, написал воспоминания, а заодно собрал кучу документов и фотографий. Все это добро, три большие деревянные ящика, было завещано Фонду, основанному адмиралом и названному в его честь. Оформлено строго по закону, печати и подписи на месте – вот только ящики пропали.

Архив Уолтер отыскал – его успели перетащить в местный музей, директор которого проявил излишнюю резвость. Хороший хук справа поставил в этой истории твердую точку.

Следующее задание оказалось тоже связано с Фондом. На этот раз ничего не пропало, но некая старушка в Чикаго, дальняя родственница покойного журналиста и полярника Уэльмана, никак не могла назначить разумную цену за две папки с документами экспедиции 1898 года на архипелаг Франца-Иосифа. Уолтер вспомнил, как в Пэлл Мэлле менял гвозди на мыло, собрался с духом – и документы были куплены.

Руководство Фонда не осталось в долгу. На новой работе платили больше, синяки же доставались реже. Однако история с озером началась именно с синяка.

Близился очередной юбилей Золотой лихорадки. По этому поводу намечалась большая выставка, и новый сотрудник Фонда Уолтер Перри получил задание сфотографировать все, что осталось от легендарного поселка Нью-Скагуэй, затерянного где-то в среднем течении Юкона. Почему легендарного, молодой человек не имел ни малейшего представления. О драматических событиях на Аляске Перри знал только из фильма с Чарли Чаплиным. Золотоискатели виделись ему злыми бороатыми людоедами.

На аэродроме города Ном, где пришлось арендовать самолет, Уолтеру объяснили, что он во многом прав. И злые, и бороатые, и насчет человечинки случалось. Искомый Нью-

Скагуэй тем и прославился. Холодную зиму 1897 года не пережил никто из его обитателей. О том, что увидели весной, газеты сообщали лишь намеками.

На месте все оказалось не так страшно. От зловещего поселка уцелело несколько почерневших барачных, в которых было абсолютно пусто. Тьма и запах гнили... Вокруг же, сколько хватало глаз, только высокая густая трава, лишь в отдалении, у одинокой серой скалы, несколько неглубоких провалов в земле – контуры исчезнувших могил. Ни надписи, ни креста.

Погода баловала, фотографии вышли на славу, но на обратном пути везение кончилось. Спасаясь от грозового фронта, летчик пошел на вынужденную посадку...

Синяк!

Озеро обнаружилось на следующий день, когда при виде очередной облачной эскадры пилот, пытаясь обойти беду, свернул на север. Места оказались совсем дикие, нехоженые и неезженные, требовался хоть какой-то ориентир, чтобы не жечь зря остатки топлива. Уолтер, которому Аляска успела уже изрядно надоесть, первым заметил серую водную гладь, ткнул рукой. Пилот развернул карту, удивился, протянул карту пассажиру.

О том, что он первооткрыватель, молодой человек узнал уже в Нью-Йорке. Название придумали без него. Многие озера Аляски носили русские имена и, дабы не ломать традицию, из словаря вытрясли подходящее слово.

Utka.

За See Ente¹⁹ и выпили первую.

* * *

За толстым стеклом плавала ночная тьма. Ничего не разоб-
рать, ни дна, ни покрышки. Уолтеру уже в который раз по-
думалось, что «Олимпия» не летит, а плывет, причем под
водой, в самых глубинах, подобно «Наутилусу» из старого
немого фильма. Стало даже обидно. Спросят, как, мол, там,
в поднебесье, а о чем рассказать? Про карты да про шнапс с
коктейлями. На пароходе хоть дельфинами можно развлечь-
ся. Или айсбергом, как на «Титанике».

Завтра утром – уже Париж. Как-то быстро, не налетался
еще.

В голове слегка шумело, и молодой человек с трудом удер-
живал себя от соблазна ткнуться лбом в стекло. Шнапс сам
по себе еще ладно, а вот «Kirschwasser» (немного шнапс-
са-киршвассера, побольше вермута, пару ложек сиропа-гре-
надина, лимон по желанию²⁰) оказался еще тем пойлищем.
Вроде и мягок, а забирает сразу. И отпускать не хочет.

Выше, куда вела знакомая алюминиевая лестница, играла
музыка. На этот раз не оркестр, а фортепьяно. Не алюминие-
вое, как на «Гинденбурге», а настоящее, фирмы «Блотнер»,

¹⁹ Озеро Утка (нем.).

²⁰ Подлинный рецепт.

что служило предметом особой гордости экипажа. Один из пассажиров, известный музыкант, решил развлечь публику чем-то классическим. Уолтер предпочел держаться от высокого искусства подале. Джаз бы сыграли, что ли!

Он все-таки не выдержал и легко боднул стеклянную твердь. Сразу полегчало, как будто на лицо легла чья-то добрая ледяная ладонь.

– Фи! – явственно прозвучало сзади.

На этот раз чудо вырядилось в узкое облегающее платье черного колера. Голые костлявые плечи, темные перчатки до локтя, мундштук чуть ли не в полтора фута с погасшей сигаретой. Само собой, камешки, и на шее, и на лбу.

Та же щетка, только в ваксе.

– И вам добрый вечер!

Девушка засопела, попыталась стряхнуть пепел. Сигарета выпала.

– Вы не слишком о себе воображайте. Я, между прочим, автомобиль ремонтировать могу.

– И я могу, – не стал спорить Уолтер. – И каждый это может. Вопрос в том, сдвинется ли он потом с места.

Чудо взмахнуло мундштуком, словно вчерашний дирижер – палочкой. Судя по жесту, племянница и сама недавно покинула бар.

– У меня двигается! Ну... Почти всегда. Я однажды даже часы починила, которые в гостинной, с маятником. До сих пор идут! Ясно вам, провинциал?

– А я – радиоприемник, – парировал провинциал. – И не однажды. А если однажды, то радиостанцию. Большая такая, с решетчатой антенной. Прямо посреди пустыни.

Дирижерская палочка, внезапно превратившись в меч, со свистом рассекла воздух.

– Не хвастайтесь! Я на Монблан поднималась. Два раза! Я даже на Таити была! А вы... Вообразили из себя невесть что! И... И у вас костюм плохо пошит. Вы в нем на суслика похожи!

– Похож, – покорно кивнул молодой человек. – Вылитый. А еще у вас бриллианты и денег много.

– Прекратите!

Не рассчитала силу голоса и закашлялась, надрывно, до слез в глазах. Уолтер поспешил вынуть из кармана платок.

– Грязный? – прохрипела девица, но платок взяла. Отдышавшись, долго вытирала губы, затем сжала платок в кулаке.

– А, вот вы куда нацелились! Не надейтесь даже, денег у меня нет. Папины, что в банке лежали, в труху превратились, когда кризис был. И бриллианты, чтобы вы знали, не мои, а тети Эллы. Так что можете не писать круги вокруг меня и дяди. Чините свои радиостанции и оставьте нас в покое.

Молодой человек хотел поинтересоваться, о какой, собственно, надежде идет речь, но не успел. Своенравный мундштук, воспользовавшись моментом, обрел свободу и весело поскакал по ступенькам. Уолтер проводил его взглядом, усмехнулся.

– Костюм тоже не мой. Фирма пошила, у меня на такой денег нет. И вообще, живу тихо, никого не трогаю, провинциал, на суслика похож. Никаких кругов не пишу и не собираюсь... А это платье, кстати, вам больше идет.

Сбегал за бойким мундштуком, вручил. Платок решил оставить чуду на память.

– Все равно хвастаетесь, – констатировала ничуть не смирившаяся девица.

– Почему?

– Потому. Тоже мне скромник. На костюм нет денег, а на «Олимпию» – есть. Так что не воображайте. Вы... Вы даже танго танцевать не умеете! Или я ошибаюсь?

На этот раз Ингрид фон Ашберг угодила в самую точку. Уолтер Перри был повержен.

4

Сырость пробирала до костей. Не выручали даже пальто из тяжелой темной кожи и теплые перчатки. Зима, давно уступившая очередь весне, каким-то недобрым чудом сумела остаться здесь, в подвале без окон и с железной дверью. Зато – ни клочка тьмы. Яркие лампы убили тени, залив пространство мерцающим белым огнем.

Мухоловка зябко повела плечами. До утра еще далеко.

– Руди, оставь нас.

Лейтенант Кнопка молча шагнул к двери. Парню «спор-

тивных кондиций» было явно не по себе в этих стенах. Девушка невольно позавидовала. В коридоре теплее... Подождав, пока лязгнет тяжелый засов, сняла перчатки.

– Ты не захотела застрелиться. Почему?

На той, что стояла в самом центре белого пространства, не было ни клочка одежды. Голые ступни наполовину утонули в черной грязи, кожа побелела, подернулась синевой. Руки по швам, подбородок вверх, глаза широко раскрыты. Кровавые подтеки на лице, синяки на груди, глубокая царапина на худой шее. Взгляд пустой, погасший.

Выгорела.

– Я должна поговорить с министром. У меня есть на это право!

Мухоловка покачала головой.

– Уже нет. Ты даже не имеешь права умереть, пока я не разрешу. О чем ты думала, когда предавала? Среди бумаг профессора Пахты мы нашли несколько листов из следственного дела. Его вела ты.

– Я не виновата! – женщина бросилась вперед, протянула руку. – Мухоловка, ты же меня знаешь!..

Удар был короткий, даже без замаха. Обнаженное тело рухнуло в грязь. Девушка достала платок, вытерла руку.

– Как оказалось, нет. Встань!

Руки скользили в грязи, ноги не слушались, но женщина все-таки сумела подняться. Выпрямилась.

– Я не хотела, но меня попросили. Муж моей сестры...

Теперь голос женщины звучал еле слышно, на грани шепота. Мухоловка равнодушно кивнула.

– Расскажешь, когда станут потрошить. В Древней Греции во время следствия гражданам верили на́ слово, а рабов полагалось пытать, даже если они не лгали. Считалось, что людям без чести верить нельзя... Твоя беда в том, что ты слишком любишь жизнь. Не удивлюсь, если тебя просто купили. Твои платья, бриллианты, туфли из Парижа, твои кавалеры...

– То, чего никогда не будет у тебя, Мухоловка! Ты не поймешь, тебя даже от мужчин воротит. Ты все и всех ненавидишь. А я любила жизнь.

Плечи под кожаным пальто еле заметно дрогнули.

– Это не всегда взаимно.

Повернулась, шагнула к двери, резко постучала.

– Когда ты умирала, Анна, я сидела рядом.

Девушка не стала отвечать, и только когда дверь со скрежетом начала открываться, негромко бросила:

– Я тоже буду рядом.

* * *

В коридоре было заметно темнее, горела лишь маленькая лампочка под потолком, забранная под густую металлическую сетку. Мухоловка прислонилась к стене, прикрыла глаза. Под веками все еще пульсировал белый огонь.

– Вам плохо?

Узнала голос лейтенанта, мотнула головой.

– Нет, просто устала.

Собралась с силами, разлепила веки, взглянула парню в лицо.

– Не хочешь остаться здесь до утра, Руди? Мне такое видеть уже приходилось, а ты многое поймешь.

Лейтенант Кнопка попытался улыбнуться.

– Кое-что я уже понял, Мухоловка... Госпожа Мухоловка.

Девушка достала из кармана плаща пачку сигарет, не глядя, вытряхнула одну, бросила в рот, прикусила.

– Что именно?

– На ее месте я разбил бы себе голову о стену. Во всяком случае, попытался.

Так и не закурив, Мухоловка выбросила сигарету, растоптала ботинком.

– Я тоже. Не жалеешь, что ты не уличный регулировщик?

5

– Тс-с-с! – сказал старичок и приложил палец к губам.

Уолтер оглянулся, но никакого «тс-с-с!» не обнаружил. Громада «Олимпии» закрывала небо, возле причальной мачты сустились техники, а вокруг расстиралось бесконечное поле зеленой травы. Серебристые силуэты самолетов, приземистое двухэтажное здание аэровокзала, яркое весеннее

солнце, только что вынырнувшее из-за горизонта...

В отличие от гостеприимного Нью-Йорка, Париж был совсем не рад визиту германского цеппелина. Перед посадкой Уолтер узнал, что «Олимпии» категорически запретили полет над центром города, что сильно огорчило экипаж. Добрые парижане вовсе не жаждали увидеть черную свастику над собором Богоматери. В Ле-Бурже, якобы из соображений безопасности, также не пустили. Причалить разрешили в новом аэропорту Вильнев-Орли, что в двадцати километрах от столицы, причем в самом дальнем его закутке. Ни цветов, ни торжественных речей. Два репортера все же присутствовали, но оба – немецкие.

Старичка Уолтер заметил, когда прощался со своим веселым соседом, которого встречали две такие же веселые девицы. Француз от всей своей галльской души пожелал «мсье Перри» успехов и всяческих благ, затем огляделся и внезапно хмыкнул:

– О-ля-ля! Смотрите, мсье, это наввернька шпион. Ох, этьи боши!..

Старичок, маленький, худой, словно щепка, стоял чуть в стороне от прочей публики, с независимым видом обзоревая небеса. Старенький плащ, такой же ветхий котелок, тонкая тросточка. Лицо никакое, без особых примет. Плоское.

Уолтер поудобнее перехватил чемодан, сунул под мышку сверток с отобранным еще в Лейкхерсте «железом», взял портфель. Старичок заметил, неодобрительно пожевал губа-

ми и поманил пальцем.

– Тс-с-с! Вы слишком громко говорите, мистер П. Вас могут подслушать! И кто вам подбирал костюм? Кобура слишком заметна, первый же полицейский остановит.

Поименованный столь оригинально, молодой человек сглотнул.

– К-кобура? У меня нет кобуры!

Маленькие серые глазки моргнули, старичок внимательно оглядел гостя.

– Пожалуй. Пистолет прячете хорошо, одобряю. Но костюм у вас сшит в Штатах, сразу видно. Вы не представляете, сколько агентов погорело на таких мелочах. Взрывчатка у вас где? Надеюсь, не в чемодане?

По-английски бдительный дед говорил без малейшего акцента, но как-то неправильно. Уолтер не без труда сообразил, что перед ним – британец, говорящий на родном языке, настоящем, а не на наречии Западного побережья.

Решив не усугублять вопрос с пистолетом и взрывчаткой, молодой человек осторожно поставил чемодан на траву (вдруг в самом деле взорвется?), достал паспорт и бумаги из Фонда. Старичок, недоверчиво щурясь, изучил документы, вернул.

– С паролем было бы надежнее. Как-то в 1916 году нам из Бельгии прислали двойника – якобы связного из «Белой дамы»²¹. Лицо один в один, документы подлинные. А паро-

²¹ Подпольная организация бельгийских патриотов в годы Первой мировой

ля не знал, на чем и был взят. Старое правило разведки: не доверяй и проверяй.

Уолтер открыл было рот, дабы внести ясность. Не успел.

– Я прекрасно знаю, кто вы такой, мистер П, и где служите. Но Фонд мне платит за обеспечение безопасности своих сотрудников, а в этом деле важна каждая деталь. Нам туда!

Легко подхватив чемодан гостя, он указал подбородком в сторону автостоянки.

– Но почему «П»?! – не выдержал Перри.

– Вы еще спрашиваете? Кстати, меня можете называть «Н». Почти как у вашего Эдгара По: «Каркнул Ворон: «Nevermore»». В конце войны мы использовали «Ворона» для шифровки донесений. Текст легко запоминается, удобно. Немцы догадались только через два месяца, уже перед самым Перемирием. До сих пор не забыл. «Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах полонил, наполнил смутным ужасом меня всего...»²²

Нужную машину Уолтер узнал сразу. Немудрено! Несмотря на ранний утренний час возле нее собрался народ. Кто-то уже приладил фотоаппарат на трехногом штативе, а две молодые девушки прихорашивались, явно готовясь к съемке.

– Фотографирование – один франк, – сообщил мистер Н, врезаясь в толпу. Затем изрек нечто по-французски, вероятно, перетолковывая уже сказанное. Фотограф, не став спо-

войны. Первоначально именовалась «Служба Мишлена».

²² Перевод М. Зенкевича (1946 г.).

ритель, немедленно достал бумажник. Уолтер между тем пытался понять, что перед ним. Четыре колеса распознавались сразу, но все остальное походило на швейную машинку под пологом, взятым с погребальных дрог.

— Марнское такси, — гордо сообщил старичок, пряча в карман третий франк. — Настоящее, у меня и сертификат есть. «Рено» с кузовом «ландоле»! На таких машинах в начале сентября 1914 года французы перебросили на фронт две дивизии и спасли Париж. На этой ехал командир одного из марокканских полков.

— А вам оно зачем? — удивился молодой человек. — Для конспирации?

Мистер Н уложил в бумажник честно заработанные франки.

— Одну причину вы уже увидели. Я получаю военную пенсию, она не слишком велика. Но скажите, мистер П, многие ли запомнили меня, а тем более вас? Все смотрели на авто, мы — всего лишь фон.

Подивившись разведывательной мудрости, Уолтер безропотно дал усадить себя в недра машины-ветерана. Старичок пристроился у руля, и бывшее такси достаточно резво для своего возраста потрусило по шоссе в противоположную сторону от Парижа, о чем не преминул сообщить указатель. Молодой человек принял данный факт без возражений. Кто он, чтобы спорить? У него даже пароля нет.

Визитку вручать не стал. Конспирация!

– Еще раз! – сурово проговорил мистер Н. – Не чувствую уверенности! И не смотрите на карту, такие сведения надо знать наизусть.

Уолтер безропотно кивнул.

– Пожалуйста. Италия, Южный Тироль, поселок Баргарата-Мармарола. Местные жители говорят просто Мармарола²³. Добираться: до Милана на самолете, до Вероны поездом, оттуда тоже поездом, но местным, Верона – Больцано. До конечной не ехать, выйти на предпоследней станции. А почему это нельзя записать?

– Запишите, – старичок ухмыльнулся не без сарказма. – На этом каждый второй агент проваливался. Чего только не изобретали! Один даже семейную Библию не пожалел, исколол булавками в нужных местах. Не поняли? Буквы отметил. Повесили!

«Буквы повесили?» – хотел было переспросить Уолтер, но понял и прикусил язык.

– Вы скажете, что сейчас мир и шпионов не вешают? Смотря где, мистер П! В России вам бы живо присудили *vysshuyu meru social'noy zaschity*. А это Италия синьора Бенито Муссолини. Там не станут спрашивать, шпион вы или

²³ Географические реалии романа являются плодом авторской фантазии.

не шпион, найдут блокнот с записями и начнут процедуру. Для начала вставят в горло воронку и вольют литр касторового масла. Дальше продолжать?

– Не надо! – отрезал Уолтер. – Я лучше еще раз повторю.

Геройское такси доставило своих пассажиров в одну из небольших деревень в стороне от главной трассы. Там находилась шпионская явка, она же летняя дача военного пенсионера. Обычный сельский дом, если не считать решетчатой антенны и пулемета «кольт» на треноге у крыльца. Пулемет, как не без сожаления сообщил мистер Н, всего лишь муляж, а вот антенна настоящая.

– Все равно плохо, – рассудил пенсионер после очередного тура по карте. – Самое беспомощное существо – иностранец, спрашивающий дорогу. Не думайте, что у меня паранойя, мистер П! В каждом государстве есть структуры, обязанные ловить шпионов. Но шпиона поймать трудно, еще сложнее доказать, что он таки шпион. А тут готовая добыча – сомнительный иностранец, да еще с какими-то странными бумагами, в придачу ко всему задающий вопросы. Начнут выяснять, запрут на полгода. Вам это надо?

– А как же взрывчатка? – напомнил Уолтер. – Зачем было спрашивать? И пистолет?

– А ваша реакция? Такие вещи следует проверять сразу. Не беспокойтесь, реакция у вас слегка замедленная, что в данном случае даже полезно. Только не ссылайтесь на своего тренера по боксу, мордобой – нечто совсем иное... У вас как

с немецким?

Молодой человек от неожиданности промедлил с ответом, чем вызвал ироническую улыбку.

– Прилично с немецким, – рассудил он наконец. Чуть подумав, повторил то же самое на языке Гете.

– Прочитайте стихотворение. Любое, какое хотите. Только, пожалуйста, не «Хорста Весселя».

Уолтер вспомнил бабушку Доротею, напрягся:

Из года в год в начале мая,
Когда не молкнет птичий гам,
Являлась дева молодая
В долину к бедным пастухам.

Она жила в стране нездешней,
В краю, куда дороги нет.
Уйдет она – и в дымке вешней
Растает девы легкий след²⁴.

– Печальная история, – констатировал мистер Н. – Когда не любил Шиллера. А еще печальнее, что вы изъясняетесь на «лаузицере», баварский диалект был бы более к месту. Что? Не знаете? Там, куда вы направляетесь, почти все население – немцы, итальянцев едва ли десятая часть. Это же Тироль! Кстати, в следующей точке вашего маршрута немец-

²⁴ Перевод И. Миримской.

кий, мистер П, вам тоже очень пригодится, но до нее еще следует дожить.

Переступил с пятки на носок, поморщился.

– Как они там, в Штатах, людей готовят? На войне вы бы погибли сразу, поверьте моему опыту. Моргнуть бы не успели, а уже пора некролог писать. Такие наивные провинциалы не распознают врага даже на расстоянии вытянутой руки.

– А как его, врага, распознать? – на всякий случай поинтересовался Уолтер.

– Такое не объяснишь, мистер П, ни за пять минут, ни за пять дней. Но не верьте тому, кто подает руку с радостной улыбкой, как будто вы – подарок на Рождество. А особенно опасайтесь тех, кто бросается вас героически спасать. Если бы я отправлял вас через фронт, то рекомендовал бы в таких случаях сразу бить на поражение, желательно в голову... Однако продолжим. Что у нас после Тироля? Доставайте карту, поглядим.

* * *

Самолеты Уолтер не любил, чему весьма способствовал его богатый личный опыт. Первый раз довелось подняться в воздух еще школьником. Отец по случаю Дня Благодарения решил показать отпрыску Нью-Йорк с высоты птичьего полета. Аэроплан был украшен флажками и лентами, организаторы гарантировали полную безопасность, пилот весело улы-

бался. Мотор задымился прямо над статуей Свободы. Сесты-то сели, но только с третьей попытки.

В Пэлл Мэлле аэропланов, к счастью, не было, но в Техасе довелось полетать. Сержанта Перри армейский бог миловал, но два его сослуживца разбились прямо посреди пустыни. Еще один обгорел, а самому Уолтеру то и дело приходилось помогать авиамеханикам. Глядя, как очередной самолет выруливает на старт, он каждый раз поражался тому, что «это» вообще способно оторваться от земли.

Синяк, полученный на Аляске, тоже не добавлял оптимизма.

Цеппелин – совсем другое дело. К сожалению, из Парижа дирижабли не летали, а если и случалось, то не в нужном направлении. Зато авиалиния имелась, причем, как пояснил всезнающий мистер Н, вполне надежная. Ну почти. Во всяком случае, каждый второй рейс проходил по расписанию.

Лететь довелось из все того же Вильнева-Орли. Военный пенсионер заранее озаботился билетом на борт до Милана. Самолет Уолтеру понравился – красивый, двухмоторный, и название как из песни – «Савойя-Маркетти». Его радость, однако, поубавилась, когда молодой человек сообразил, что лететь придется не на «французе», а на «итальянце». Итальянцев он навидался – и в Нью-Йорке, и не только там. Все впечатления сводились к двум: пиццерия и гангстеры. Как все это должно летать, он представлял себе плохо.

Огорчало и то, что не удалось избавиться от части груза.

Книжки с космическими чудовищами на обложке мистер Н велел возить с собой и дальше. Забрать обещал на обратном пути, присовокупив, что у него пока нет времени на подобное чтение. Уолтер без всякой симпатии поглядел на бумажные томики и спрятал их на самое дно чемодана.

Взлетели днем. Молодой человек, так и не увидевший Париж, решил в качестве компенсации полюбоваться Францией с высоты птичьего полета. Ведь именно здесь совершал подвиги brave сержант Йорк! Осенью Уолтер собирался навестить Пэлл Мэлл и обязательно повидать героического родича. Будет что рассказать!

У «Савойи-Маркетти», как выяснилось, имелись совсем иные планы. Самолет быстро набрал высоту, и прекрасная Франция превратилась в череду желтых и зеленых пятен. А потом пошли тучи, белая сплошная пелена под яркой весенней синевой небес. Кресло было мягким, моторы гудели не слишком громко, прошлую ночь Уолтер почти не спал...

Когда он открыл глаза, вокруг было темно, а в стекла лупил проливной дождь. Самолет не летел, а недвижно стоял, в салоне неярко светились лампы под матовыми плафонами. Молодой человек вскинулся, решив было, что они уже в Милане, но сонный сосед, приоткрыв один глаз, успокоил. Какой там Милан! До него еще лететь и лететь, к тому же пока дождь не кончится, разрешения на взлет им никто не даст. Уолтер понял, что не напрасно сомневался в «итальянце» — и снова заснул.

Взлетели только на рассвете, но до Милана так и не добрались. Густая пелена туч заставила повернуть сперва на восток, а потом и вообще на север. Вспомнив Аляску, молодой человек рассудил, что горячее скоро кончится – и угадал. Ровно в полдень «Савойя-Маркетти» коснулся колесами зеленой травы на окраине Бергамо. За иллюминатором слегка дымил – левый мотор под конец забастовал.

На краю летного поля к пассажирам подскочил представитель авиакомпании и что-то бодро затараторил по-итальянски. Слово «Милано» Уолтер уловил и по невеселым лицам окружающих понял, что туда они точно не попадут. Так и вышло. Авиакомпания очень, очень извинялась, но самолет нуждался в ремонте, резервный куда-то улетел, зато имелся автобус, готовый доставить путешественников в Бергамо. Компания соглашалась оплатить всем желающим билеты на поезд до Милана, правда, только третьим классом. Ехать придется с пересадкой, но это недолго, лишние полдня...

Уолтер поглядел в небесную синеву, надеясь увидеть серебристый силуэт «Олимпии». Но там не было ничего, даже легкого облачка.

Понурая толпа уже потянулась куда-то вдаль, когда сзади подбежал невысокий крепыш в летном шлеме. Что-то крикнул, взмахнул рукой, заговорил, указывая на центр летного поля. Молодой человек расслышал знакомое название – Тренто. Достал из кармана карту, развернул. Для верности решив переспросить, обратился к пилоту по-немецки. А

вдруг знает?

– Земляк? – обрадовался тот. – У меня одно место свободно. Если вам до Тренто, подброшу.

От Тренто до нужной станции – всего час езды на «железке». Уолтер Перри облегченно вздохнул.

6

– E voi, uno straniero, signore! – мрачно изрек усатый здоровяк в светлой форме. Уолтер ничего не понял, но проникся. Полицейского сразу узнаешь в любой стране. К тому же могучая стать представителя закона вызвала к крайнему почтению. Крепкие ручки сложены на груди, темные глаза под густыми кустистыми бровями не глядят – сверлят, каждый ботинок размером чуть ли не с чемодан. Тяжелая кобура на поясе, начищенная пряжка горит неземным огнем.

– Documenti!

Это молодой человек понять смог и послушно полез в карман за паспортом.

На станции с красивым названием Баргарата-Мармарола сошли всего трое, включая гостя из Штатов. Вся станция – платформа, маленький домик под красной крышей да водокачка. Народу нет, только пожилой железнодорожник с желтым флажком и, конечно, представитель закона, сам себе монумент. Приехавшую пожилую пару, определенно местных, служивый проводил внимательным взглядом, после че-

го вплотную занялся подозрительным «straniero».

Паспорт усач листал долго, внимательно глядя на фото и сверяясь с оригиналом. Наконец вернул, вздохнул шумно.

– Americano! Qualsiasi lingua, ovviamente, non lo so.

«Lingua»? Молодой человек вовремя вспомнил, что есть мудреная наука – «лингвистика».

– Могу по-немецки, синьор начальник, если вы об этом.

Кустистые брови взлетели вверх.

– О-о! Так ведь это замечательно, синьор Перри! А я уж думал переводчика искать.

Вскинул широкую, поросшую темным волосом, ладонь к козырьку.

– Сержант Никола Ларуссо!²⁵ О вашем приезде мне начальство изволило сообщить. Вы, как я понимаю, участник международной комплексной экспедиции.

Про экспедицию, да еще комплексную, Уолтер ничего не знал, но решил не спорить.

– Так точно, синьор сержант!

Говорили на не слишком правильном «хохе» («синьора» оба предпочли не переводить), американец чуть лучше, итальянец похуже. Полицейский окинул гостя внимательным взглядом, словно прицениваясь. Почесал крепкий подбородок.

– Служили, значит, синьор? И в каком звании, позвольте

²⁵ Автор воздает дань замечательному фильму «Mediterraneo» (1991 г.) и одному из его персонажей – сержанту Никола Ларуссо (актер Диего Абатантуоно).

узнать?

– Сержант, – улыбнулся Перри. – Взвод связи при батальоне. Мексиканская граница.

– Буйствовать не будете? – спросил служивый, но уже тоном пониже. – А то знаю я нашего брата-сержанта.

Уолтер Перри не без удовольствия вспомнил армейские деньки.

– Буйствовать? Это как скажете, синьор сержант.

И хлопнул себя по карману. Никола Ларуссо громко хмыкнул, поправил фуражку.

– Я срочную в артиллерии оттянул, совсем неподалеку, в Альпах. Потом, как эту форму надел, здесь очутился. Немецкий знаю, вот и пригодилось. Насчет же чтобы побуйствовать...

Мельком взглянул на часы.

– Можно. Следующий поезд только через три часа.

* * *

От граппы, гордости Италии, отказались, хоть и не без сожалений. Усач был на службе, поэтому решили взять что-нибудь полегче. В маленьком ресторанчике, что спрятался прямо за станцией, выбор оказался на диво пристойным. После короткого, но бурного совещания с хозяином заведения порешили испробовать «Сильванер» из монастыря Новачелло. Хоть и не граппа, но тоже напиток известный. Недаром мо-

настырь стоит на знаменитой Винной дороге, что протянулась через весь Южный Тироль. Довольный выбором хозяин сбегал в погреб, вернувшись с двумя бутылками особого «Сильванера» – «папского», из долины Изарко.

Испробовали, одобрили. Поехали!

– Эти экспедиции, синьор Перри, лишь пустая трата народных денег, – вещал сержант Ларуссо, набивая табаком короткую глиняную трубку. – Как и почти вся наука, если уж честно. Дуче правильно говорит: «Datevi all'ippica!»²⁶ Начните делом заниматься! Придумать новую пушку или, допустим, паровоз, это я вполне одобряю. И даже планету открыть. Но этот... Есть такое немецкое слово... Фольк, фольк... Фольклор! То, чего люди меж собой, значит, болтают, языками чешут. Понимаю, когда такое в протокол заносят, но чтобы наука?

Уолтер охотно признался в собственном невежестве. Усач одобрительно пыхнул трубкой.

– А и нечего всякой ерундой голову сушить. Слишком он добрый, наш Дуче, я бы этих ученых умников давно отправил в долину Паданы рис выращивать, чтобы, значит, по пояс в воде. Самое для них занятие. Наливайте себе, синьор, вы же не на службе. И мой вам совет. Пусть эти профессора сами в Восса del Lupo лезут, вы подальше держитесь.

²⁶ Здесь и далее brave сержант будет цитировать популярные в Италии 1930-х годов лозунги и речевки. Смысл их прост: Италия – великая страна, мы все должны за нее умереть, а Дуче – великий вождь. Переводить эту фашистскую пропаганду автор не считает возможным.

– К-куда? – решился уточнить молодой человек.

– В Волчью Пасть.

* * *

Есть Мармарола станция, а есть поселок, между ними три километра по грунтовой дороге. Но это если от станции направо ехать. Налево же дорога ныряет в лесок. Выныривает уже в ущелье. Слева горы, справа они же – невысокие, в кустарнике, на склонах местные ребятишки коз пасут. Но в самом конце ущелья громоздится одинокий великан, закрывая все небо. Зеленый снизу, серый и черный у вершины.

Лиро. Волк.

Волку положено иметь пасть где-нибудь поближе к голове-вершине. Он ею и обзавелся. А поскольку Пасть Волчья, то ничего хорошего там нет и быть не может.

– Видел такие, – рассудил Уолтер. – В Теннесси пещер больше, чем коров. Выйдешь за поселок, и уже первая, Могила Индейца. За ней Сухая Берлога, потом, чуть дальше по тропе, еще одна, Старый Ледник.

Сержант пододвинул ближе бутыль, наполнил небольшие глиняные рюмашки.

– Прошу, синьор! Такие, да не такие. У нас в Тироле тоже пещер хватает. Но эта – особая.

– С привидениями?

– Если бы! – вздохнул усач и выпил залпом.

Привидения в пещерах – не редкость, считай, в каждой третьей кто-то бродит и цепями звенит. В Волчьей Пасти никто не бродил, потому что тропу, что в прежние годы вела к ее входу, взорвали. Нагнали саперов, подняли повыше бо-чонок с порохом. А до этого те же саперы заложили и сам вход, построив из камней целую стену. Случилось это все не в давние века, а, если местным хроникам верить, в 1795-м, аккурат в год смерти Джузеппе Бальзамо, более известного, как Калиостро. Великий мистик бывал в этих местах неоднократно, и в Восса del Lupo тоже заглядывал. Причина же столь суровых мер имела самая основательная – у Волчьей Пасти гибли люди. Не слишком часто, но регулярно. Последней каплей стала смерть детей местного помещика, брата и сестры, решившихся подняться на гору в ночь полнолуния.

– Пещера, значит, виновата? – усомнился Уолтер, имевший свой жизненный опыт. – Местные же и зарезали, а полиция копать не стала.

Никола Ларуссо нахмурился.

– Плохо вы о полиции думаете, синьор! Хотя согласен, бывает. Но тут другой случай. О! Ну, конечно!..

Трубка ударила о столешницу.

– Фильм же обо всем этом сняли! «Голубой свет», немецкий. Там тетка с патлами нечесаными по камням прыгает, ровно коза какая. В одном исподнем! Срамота, я вам скажу. Не видели часом?

Увы, Уолтер, как истинный янки смотрел преимуще-

ственно американское кино.

– Зря это вы! – рассудил сержант. – Тетка вполне себе, мясистая, хоть и срамota, но есть на что взглянуть. Только перекрутили там, синьор Перри. Выдумали, будто пещера, Пасть Волчья, хрусталем забита чуть ли не по самый верх. Оттого все и приключилось, потому и свет от пещеры был голубым. Не так все было, совсем не так! И свет не голубой, и вообще. Главное же не то, что было, а то, что снова появилось.

Последние слова сержант проговорил чуть ли не шепотом. Поглядел по сторонам, взвесил в руке пустую бутылку.

– Сказочку помните детскую? Про джинна? Вот его вроде как выпустили. Землетрясение три месяца назад случилось. Здорово потрянуло, в половине домов пришлось стекла вставлять. Стеночка в Волчьей Пасти и не устояла. Сам не видел, но люди точно говорят.

Уолтер Перри бросил взгляд на пустую посудину. Джинна в бутылке не было. Улетел!

* * *

Размякший после второй бутылки «папского» вина, сержант Ларуссо предложил гостю оставить вещи в поселке да там же поселиться, благо снять комнату можно без всяких проблем. У Горы-Волка, по его словам, пока пусто. Местные предпочитают лишний раз не появляться, а экспедиция

еще не подъехала. Сегодня-завтра обещали прибыть немцы, которые всю эту шумиху и затеяли. Не столь поворотливые итальянцы собираются появиться только послезавтра, а то и еще позже. Ожидают и прочих. Граница рядом, и не с одной страной, а сразу с несколькими. Далекое римское начальство предписало всем оказывать содействие, здраво рассудив, что шпионам в этих глухих местах поживиться нечем.

Уолтера, однако, не слишком прельщала перспектива скупать в Баргарата-Мармарола. От станции до подножия Волка, судя по карте, восемь километров. Если бы не вещи, он бы просто прогулялся, взяв с собой лишь фотоаппарат. А так оставалось только ловить попутку, не авто, так повозку на конской или даже ослиной тяге. Сержант умерил его оптимизм: в нужную сторону жители поселка ездят хорошо если раз в день. Подумал, махнул ручищей – и заявил, что свозит гостя на мотоцикле. Туда и назад, потому что возле Волка одному делать нечего, особенно на ночь глядя.

Вещи Уолтер решил захватить с собой – целее будут.

Мотоцикл оказался швейцарским «Кондором», последняя модель с мощным двигателем и удобной боковой коляской. Сержант не без гордости заметил, что это трофей, но от подробностей воздержался. Усадив гостя в коляску, сам грузно опустился на сиденье, надел большие лётные очки.

– Готовы, синьор? – трубно воззвал он. – Тогда вперед! *Marciare non marcire!*..

...Склон, кустарник, узкая тропинка. Сперва идет полого, затем резко вздымается вверх, пропадая среди зелени. Вот снова вынырнула... Пропала. Дальше – только склон, кусты все реже, серые проплешины наползают, смыкаются. Камни... Побольше, поменьше, вот уже и скала. За ней – снова тропинка, узкая серая ленточка.

Обрыв! Ровный, словно ножом срезанный. Здесь, вероятно, и взрывали. Сколько футов? Под сотню? Больше?

Что выше, не понять. За обрывом гора как будто отступает, резко идет ввысь. Вот и вершина, неровная, словно волчья голова. Уши, вздернутый нос. Где же Пасть? Нет никакой Пасти!

– Не видно ее отсюда, –дохнул под ухом сержант. – Там, если старым планам верить, площадка шагов на двадцать во все стороны. А за нею стало быть подъем прямо к ней. К Пасти этой.

Уолтер отдал бинокль, поблагодарил, протер уставшие глаза. Что поехал, не жалел, но увиденное не слишком заинтересовало. Все, как и было обещано: долина, горы вокруг, Волк-гигант под самое небо. Сыро, прохладно, комары жужжат.

– И чего ж тут изучать, синьор сержант?

Никола Ларуссо сделал строгое лицо, полез в нагрудный

карман.

– Вот, синьор Перри. Прислали.

Листок бумаги, узкие поля, густой текст с двух сторон.

– Здесь по нашему, по-итальянски, а ниже по-немецки. «Феномен Восса del Lupo в контексте межкультурных связей народов Центральной и Южной Европы». А чего это значит, уж извините, не знаю. Сказал бы, что господа ученые просто повод нашли винца здешнего попить, так нет. Меня специально предупредили: из Рима непростые люди едут. Это сегодня я тут один, а завтра подкрепление прибудет, со всей провинции собирают. А уж начальства сбежится! Ну что, увидели?

– Ничего не увидел! – честно признался молодой человек. – Вы, синьор сержант, говорили про фильм. Будто там пещера светилась из-за хрусталя. А эта... Тоже?

Густые брови дрогнули, посуровел взгляд.

– А слухи, между прочим, велено пресекать. Особенно вредные и провокационные.

– Чтоб шеи не ломали?

Никола Ларуссо охотно кивнул.

– И это, само собой. Случись что, кто отвечать будет? Полиция, ясное дело. Но это еще ладно. А если выяснится, что оттуда, с верхотуры, зенитный прожектор светит? Зачем светит? Кто распорядился? Только учтите, я вам ничего не говорил!

Уолтер прикинул высоту горы и оценил идею. Затем по-

глядел на пустую долину, зябко повел плечами, пожалев, что оставил плащ в коляске. Странные дела в этой Европе творятся!

– Пустая трата народных денег, – авторитетно изрек слухивый. – Говорил – и еще раз скажу. Но мое дело простое. *La Patria si serve anche facendo la guardia a un bidone di benzina!* Ну, что, синьор Перри? Съездили, проветрились, теперь назад пора.

Молодой человек кивнул, соглашаясь.

Замер. Поднял руку.

– Машина! Большая, с другой стороны. Не с той, откуда мы приехали.

– *Quindi esattamente!*

Полицейский расстегнул кобуру, размял могучие руки. Выдохнул гулко.

– Вовремя мы появились! Грузовиков в округе всего четыре, этот не из них, у мотора голос другой. Сейчас разьясним!

– Зенитчики? – наивно предположил Уолтер.

Никола Ларуссо грозно засопел и жестом велел отойти к мотоциклу. Гудело уже совсем рядом. Резкий голос клаксона...

– *Madonna!* Это еще что?

Из-за склона горы вырливалось большое черное авто, за которым тянулся целый вагон, тоже черный, но с желтой крышей. Часть крыши выступала далеко вперед, прикрывая

кабину. Огромные, вытянутые вперед фары, серебристая решетка радиатора с большим черным орлом...

– «Понтиак-кемпер», – констатировал Уолтер Перри. – Модель 1935 года, я такую на выставке видел. Дом на колесах.

Словно подтверждая его слова, машина грозно рыкнула. Замедлила ход... Остановилась... Дверца отворилась, и на траву ступил человек лет тридцати в сером костюме и большой черной шляпе набекрень. Пиджак расстегнут, узкий галстук сбил на сторону.

– Добрый день, господа!

Махнул рукой, белозубо усмехнулся, снял шляпу.

...Слегка вздернутый нос, узкие маленькие губы, светлые волосы зачесаны назад. Темные брови, темные глаза. Говорит по-немецки, но не на «хохдойче», а как-то иначе.

– Господин сержант! Мои приветствия! Я ничего не пропустил?

– Добрый день, синьор доктор! – Никола Ларуссо облегченно вздохнул. – А я уж не знал, чего подумать. Экое у вас страшило!

Человек весело засмеялся, махнул шляпой.

– Американские друзья не забывают. В палатке слишком сыро.

Подошел быстрым шагом, пожал ладонь стражу порядка, повернулся к Уолтеру.

– Позвольте отрекомендоваться. Доктор Отто Ган!

Улыбнулся радостно, словно незнакомый парень был подарком к Рождеству.

Протянул руку.

Глава 3

Доломит

Лица на камне. – Курц, Хинтерштойсер и полярный дневник. – Восса del Lupo. – Заглянуть за кулисы. – Альпинистская, пацифистская. – Полнолуние.

1

Черный лабрадорит, белый, чуть подернутый желтизной фон фотографий. Лица... Пятеро – и каждый не старше тридцати. У второго слева – очки, взгляд слегка растерянный, виноватый.

Золотые буквы, четкий, как солдатский строй, шрифт. «Верные Присяге». Ниже имена, даты, еще одна надпись, на этот раз многословная, на пять строчек. Два букета цветов, венки...

Яркое весеннее небо – равнодушный вечный занавес.

Рядом с двумя букетами – третий. Шарль положил цветы, поправил ленту на венке, поглядел в глаза тому, что в очках, поймал взглядом взгляд. На миг фотография стала зеркалом. Одинаковые лица, одинаковые стеклышки очков, глаза, складка возле губ. У того, кто был жив, дрогнуло горло, рука закрыла рот, дернулись плечи. Мухоловка взяла за

локоть, коснулась губами щеки.

– Твой брат был очень хорошим человеком, Карел.

Шарль, кивнув, оторвал ладонь от лица, резко выдохнул, ухватил стеклышками очков небесную голубизну. Достал платок, долго тер глаза. Мухоловка подошла к памятнику, положила свой букет, перекрестилась.

– Может, Бог все-таки есть, как думаешь?

– Не знаю...

Платок исчез в кармане пиджака. Шарль надел шляпу, оглянулся. Кладбищенская аллея была пуста – только камень, зеленая трава и солнечный свет.

Мухоловка поглядела на памятник, сжала губы.

– Спите спокойно, ребята! Мы за вас отомстили.

Шарль поправил очки, улыбнулся невесело.

– Если бы!

– Все, кто тогда напал на особняк Президента, убиты. Те, кто ими руководил, расстреляны. Ты же их сам расстреливал, Шарль!

Молодой человек согласно кивнул.

– Этих – да. Но я не мог расстрелять германского посла и кое-кого из наших генералов. Мерзавцы все-таки добились своего – Президент погиб, а нынешний слаб. Он только морщится, когда слышит «аншлюс». Надо не морщиться, а стрелять! Стрелять, слышишь?

Девушка вновь взяла его за локоть, погладила по плечу.

– Эрц не пустит сюда нацистов.

Шарль поправил очки, отвернулся, чтобы не видеть тех, кто смотрел на него с фотографий.

– Мне иногда кажется, Анна, что мы сражаемся с гидрой. Генералов и министров можно передавить, но Гитлера хочет толпа – тот самый народ, которому мы якобы служим. Тупая сволочь! Их даже не нужно подкупать, достаточно прокричать о германском единстве и величии нации. Именно они похоронят страну, а не кучка заговорщиков. Порой я думаю, что коммунисты, за которых ты воевала, в чем-то правы.

Мухоловка промолчала. Шарль вновь поглядел на памятник.

– Пойдем!

Аллея казалась бесконечной – тихая безлюдная улица в городе мертвых. Двое шли между могил. Шаг, еще шаг, еще.

– Знаешь, в чем коммунисты правы? Все, даже Гитлер, боятся толпы. Заигрывают, подкупают, льстят. Иногда пугают – но все равно боятся. А большевики сразу же заявили, что создадут новый народ – такой, какой им требуется. Испекут, как хлеб в печи. Сколько сгорит, не важно, хоть миллион, хоть десять. И ведь получается!

Мухоловка взглянула удивленно:

– Ты ставишь на Сталина? И советуешь мне вступить в НСДАП?

– Нет. Я говорю о тактике, а не о стратегии. И Сталин, и Гитлер в перспективе проиграют, потому что считают без хозяина. Дикари машут дубинами, не замечая, как на них уже

наводят пулемет. Но это в будущем, до которого еще следует дожить. А когда в город входят танки, правильное всего находиться...

— ...В танке, — кивнула девушка. — Вести наблюдение и передавать сведения командованию. У нас в Академии есть нацистская ячейка, присмотрюсь. Думаю, в расовом отношении ко мне претензий не будет, у меня даже фамилия немецкая... Надо идти, и у тебя, и у меня дела.

— Погоди!

Шарль помолчал, бросил взгляд на пустую аллею. Заговорил негромко, словно опасаясь тех, кто уже ничего не услышит.

— Там, под камнем, где мой брат, лежат пятеро. Но хоронили четверых.

Мухоловка взглянула удивленно.

— Я же была на похоронах. Мы с тобой рядом стояли.

— Четверых. В один из гробов насыпали земли. И еще камней добавили для веса. Когда убивали Президента, погибло четверо офицеров охраны. Пятый оказался предателем. Он бежал, точнее, пытался.

— И... И где он сейчас?

Молодой человек дернул губами.

— Там же. Его закопали следующей ночью — в гробу, но живым. Я дал ему фонарик и газету с некрологом.

— Буду знать, — равнодушно бросила девушка. — Пригласить меня сюда — твоя идея? Или Эрц приказал?

– Не имеет значения. Ты перестала бояться, Анна. С агентом такое случается. Одна удача, другая, и начинает казаться, что именно ты – хозяин жизни, и своей, и чужой. Отсюда до предательства – всего шаг. Ни я, ни Эрц не хотим, чтобы ты оступилась. Куда именно придется падать, ты уже поняла.

Мухоловка улыбнулась, поглядела на Шарля, поправила ему шляпу.

– Положи мне в гроб коробочку с леденцами.

2

– Нет, – решительно заявил Уолтер. – Не запомнил, ребята. Давайте еще раз!

– Тони Курц, – улыбнулся тот, что повыше.

– Андреас, – подхватил невысокий, – Хинтерштойсер. Повторить? Хин-тер-штой-сер. Слушай, а может, просто по именам? Тони и Андреас. И Вальтер.

– Годится!

Тони и Андреас выскочили из «Понтиак-кемпера» как чертики из табакерки – не через дверь, а из люка на крыше. Залихватски свистнули, спрыгнули на траву. Увидев встречающих, попытались принять серьезный вид, но без особого успеха.

– Моя непобедимая армия, – с явным удовольствием прокомментировал доктор Ган. – В плен не сдаются. И не берут.

Уолтер и страж порядка переглянулись. Ларуссо всмот-

релся, скрестил ручищи на груди.

– Стало быть, синьоры в самоволке?

Молодой человек и сам успел заметить характерные короткие стрижки. Армейские парикмахеры, как и полицейские, всюду одинаковы.

Братья из ларца переглянулись, приняли стойку «смирно».

– Никак нет, герр сержант! В законном отпуске. Честно!

– Так я и поверил, – Никола Ларуссо громко хмыкнул. – Вот что, личный состав! Деревья не рубить, к девушкам не приставать, ночью песни не горланить. И насчет выпивки – чтобы, значит, в меру.

– Та-а-ак точно-о!

– Ребята действительно в отпуске, – вмешался Отто Ган. – Сумел командира части уговорить. А пить мы не будем. Андреас и Тони спортсмены, лучшие альпинисты Германии.

– Ну, не то чтобы лучшие... – вставил Хинтерштойсер, но не слишком уверенно.

– То есть как пить не будете? – прогудел сержант. – Вы, доктор, традиции не нарушайте. Вечером подъеду, и отметим. А чтобы мне, как старшему по званию, не напрягаться, одного орла с собой заберу. Пусть бутылки грузит.

– Вхожу в долю, – Уолтер достал бумажник.

– У нас здесь, господа, научная экспедиция, – железным голосом отчеканил доктор Ган. – Никаких пьянок, гулянок и песен за полночь! Дисциплина и порядок!.. Мы сюда рабо-

тать приехали.

И тоже достал бумажник.

* * *

– Если я буду вас называть по имени, отношения между Германией и США не сильно ухудшатся? – поинтересовался доктор Ган.

– Не сильно, – рассудил Уолтер. – А вас, стало быть, доктором?

Немец поморщился.

– Скажите еще «герром доктором». Вы же гражданин свободной страны! Зовите по имени, я не настолько вас старше. Не так давно я был обычным коммивояжером, стучался в двери и предлагал купить детскую Библию. Кстати, у вас превосходный «лаузицер». И вообще, Вальтер, вы по виду настолько совершенный ариец, что мои коллеги из Аненербе²⁷ охотно изготовят из вас чучело для нашего музея.

С Никола Ларуссо уехал Тони. Хинтерштойсер, помахав

²⁷ «Аненербе (*нем.* Ahnenerbe – «Наследие предков», полное название – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков») – организация, существовавшая в Германии в 1935 – 1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха». (Википедия). В описываемое время – скромная группа дилетантов от истории, на которую академическая наука смотрела с откровенным презрением.

им вслед, принялся резво выгружать вещи из кемпера. Перри и бывший коммивояжер отошли в сторону, чтобы не мешать.

– Итак, Вальтер, – доктор улыбнулся. – Как я понимаю, привезли?

– А как же! – кандидат в экспонаты приосанился. – В целости и сохранности, э-э-э... Отто. Там еще бумаг куча, на каждой расписаться придется. Все в чемодане, я не зря его с собой таскаю. Сейчас займемся?

Доктор взглянул серьезно.

– Да, сейчас. Пойдемте в кемпер.

...Тяжелый пакет, желтая оберточная бумага, бечевка, сургуч. Еще один, похожий, словно близнец. Доктор взял в руки верхний, подержал, положил обратно.

– Тяжеленький! У меня, впрочем, не легче.

И снова пакет, но в бумаге синей, тоже при бечевке и сургуче, потолще двух первых. Отто Ган отложил его в сторону, взглянул искоса.

– Если это не военная тайна, Вальтер... Что вам сказало ваше начальство?

– Никакая не тайна, – удивился молодой человек. – Мы же географический фонд! Собираем и публикуем всякое про путешествия и открытия. Вы обещали сделать копию дневника этого... Карла...

– Кольдевея, – негромко подсказал немец²⁸.

²⁸ Здесь и далее будут упоминаться исследователи Арктики и Антарктики.

– Да, его. Вторая экспедиция к Северному полюсу. Фамилию забыл, а годы помню, с 1873-го по 1879-й, шесть лет парень во льдах мерз. Вы мне Кольдвее, а я вам тоже чего-то. Названия не помню, но страницы все пересчитал. А еще шеф сказал, что я могу у вас тут задержаться на день-другой, если интересно будет. И фотографии сделать для музея. У нас, правда, из арийцев чучела не набивают...

Доктор невесело усмехнулся.

– У нас пока тоже. Из арийцев. Ну, что, вскрываем?

То, что придется таскать тяжести, шеф предупредил сразу, присовокупив, что занятия спортом порой могут пригодиться и на службе. Уолтер не стал возражать, но все же поинтересовался, отчего в XX столетии, в цивилизованной стране книгу приходится фотографировать – страницу за страницей, тратя пленку и бумагу, словно на дворе прошлый век. Неужели наука на месте стоит? Начальство согласилось по поводу науки, но уточнило: наука одно, практика же нечто иное. Честер Карлсон уже не первый год обещает чудо-аппарат, использующий метод электрографии, но дальше обещаний в прессе дело не идет. Можно переслать пленку, но тогда нет гарантии, что на пленке, полученной от немцев, все будет четко и понятно. Кто их, тевтонов, знает?

Фотографии – иное дело. Каждую и посмотреть можно, и пощупать. Будет желание, и зубами укусить.

– Последняя, – с облегчением выдохнул Уолтер. – Ну и почерк у этого Кольдевея! Зато рисунки удачные, особенно там, где медведи.

– Угу, – явно не в такт отвечивал Отто Ган. В отличие от добросовестного посланца адмиральского Фонда, страницы он пересчитывать не стал, лишь просмотрел бегло. И сразу же принялся читать. Насупился, нахмурил брови, потом, не выдержав, сорвал с себя галстук, кинул, не глядя, на пол.

Уолтер с уважением поглядел на столь увлекшегося ученого, но все же решился доложить.

– Отто! Я страницы пересмотрел. Все на месте, все в порядке. Давайте документ подпишу насчет передачи.

– А?! – немец оторвался от листа фотобумаги, моргнул. – Подписать? Что именно? А-а! Подпишем, подпишем, никуда не убежит. Тут такое...

Отложил в сторону тяжелую стопку фотографий, улыбнулся.

– Потрясающе! Год назад я даже не думал, что эта книга существует. Незвестная версия «Поисков Святого Грааля» Вальтера Мапу! Ваш тезка умер в начале XIII века, книгу же написал раньше, в самое катарское время. Именно то, что мне нужно! В Европе сохранилось два экземпляра, но оба неполные. А тут весь текст, представляете? Уникально!

Уникально!..

Уолтер предпочел не переспрашивать. В свое время он дважды просмотрел увлекательный фильм «Капитан Огонь и Святой Грааль» с Лилиан Гиш и Ларсом Хэнсоном, поэтому считал себя вполне подкованным в данном вопросе.

– Как эта рукопись попала в Штаты? Лежала в провинциальной библиотеке, никому не нужная, никому не известная...

– Не пропала же! – вступился за родную страну Уолтер. – А вы что, Отто, тоже Грааль ищете?

Доктор сглотнул.

– Тоже?! А кто еще?

Молодой человек потер подбородок.

– Ну, этот, которого Хэнсон играл... В каске и с копьем. Только действовал неграмотно. Ездил где попало и мечом размахивал, когда копье потерял. Кто же так розыскные мероприятия проводит?

Отто Ган открыл рот, екнул горлом, попытался глотнуть воздух.

– Н-не надо! Убьете ведь! Каска!.. Мероприятия!..

– Смеетесь? – ничуть не обиделся Уолтер. – Это только со стороны смешно. А вот вызовут к боссу и прикажут: найди, мол. Пятнадцать долларов в день – и вперед!

– Извините! – доктор отдышался, провел ладонью по лицу. – Вы, наверно, правы, Вальтер, но какие мероприятия, если вещь пропала две тысячи лет назад? Свидетелей не

опросишь, документы, мягко говоря, сомнительны.

Молодой человек задумался.

– Две тысячи лет? Давно, конечно, но чего-нибудь да осталось. Эта книга, к примеру. Собираем материалы, перечитываем, сопоставляем. Как говорят, глаза боятся, а руки делают.

Отто Ган прищурился, взглянул серьезно.

– Вы совершенно правы!

Вновь улыбнувшись, положил ладонь на пачку фотографий.

– Собственно, этим я и занимаюсь чуть ли не всю свою жизнь. Грааль словно Полярная звезда – сколько не носит по волнам, все равно на нее курс держишь. Рассказать о моей работе? Это не так интересно, как кино, но и ездить где попало приходится, и даже мечом порой размахивать. Или не стоит вам голову забивать?

– А почему – забивать? Конечно, расскажите!

* * *

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza
Della vita nell'asprezza
Il tuo canto squilla e va!

Хотелось заткнуть уши, но, во-первых, неудобно, а во-вторых, густой бас сержанта Никола Ларуссо легко справился бы с таким препятствием. Не то чтобы страж порядка пел плохо, напротив. Но уж очень, очень громко.

E per Benito Mussolini,
Eja eja alala.
E per la nostra Patria bella,
Eja eja alala.

– Аляля! Аляля! – грозно откликнулось горное эхо. Сержант взмахнул кулачищем.

Dell'Italia nei confini
Son rifatti gli italiani;
Li ha rifatti Mussolini
Per la guerra di domani.

Вновь уловив «Муссолини», Уолтер слегка насторожился. Еще перед первым тостом договорились: о политике ни слова. Немцы, напротив, слушали с немалым удовольствием. Братцы из ларца даже пробовали подпевать.

Per la gloria del lavoro
Per la Pace e per l'alloro,
Per la gogna di coloro
Che la patria rinnegar.

Шестой в их компании – худой белокурый парень в полицейской форме – выглядел несколько испуганными. Даже голову в плечи втянул, как будто у костра не пели, а крепко ругались, причем именно в его адрес.

С этого молодого человека все и началось. Ларуссо вернулся к закату. Швейцарец «Кондор» с трудом, но вместил не только слегка позвякивающий груз, но и троих седоков. Кроме сержанта и Тони Курца приехал еще один страж порядка, представленный как Джованни Новента. Белокурый полицейский был молод и стеснителен, однако сразу же на хорошем немецком попросил называть его Иоганном. Сержант нахмурился, но возражать не стал.

На землю был постелен брезент и несколько одеял, а из недр кемпера появились два складных стула. На один были выставлены бутылки, второй же так и остался пустовать. Все предпочли разместиться на одеялах. Каждому достался глиняный стаканчик, тарелка и большой кусок еще теплого хлеба. Разливать пришлось доктору, у которого, по утверждению Тони и Андреаса, не глаз, а ватерпас.

Чуть в сторонке разложили костер. И из-за комаров, и просто так, для души.

На этот раз без граппы не обошлось. Вероятно, она и стала причиной того, что после второй порозовевший Иоганн попытался запеть. Неплохим тенором он начал выводить хорошо знакомую Уолтеру «Санта Лючию», но был тут же остановлен суровым сержантом. Как выяснилось, в новой, воз-

родившейся Италии в ходу совсем другие песни.

E per la nostra Patria bella,
Eja eja alala!²⁹

Когда отзвучало эхо (Аляля! Аляля!), Никола Ларуссо со значением нахмурился.

– Вот что сейчас поет наша великая страна! А не всякие там неаполитанские завывания.

Иоганн Новента виновато потупился.

– А чем вам Неаполь-то не по душе, синьор сержант? – поразился Уолтер. Что такое Неаполь, он знал. Так называлась пиццерия на соседней улице, на одной из стен которой художник изобразил итальянский «сапог», обозначив искомый город большим красным кружком.

– Не по душе? – прогудел Ларуссо. – А потому не по душе, что настоящая Италия у нас, на севере. Здесь работают, воюют и творят. «Credere, obbedire, combattere!», – как говорит Дуче. А то, что южнее Рима, – наша Африка. Бездельники и banditto! «Санта Лючия»! Пфе!..

– Тогда настоящая Германия на юге, – рассудил Хинтерштойсер. – На севере – Пруссия. У нас в Баварии пруссаков всегда лупили. Как встретят в пивной – так сразу в торец!

Уолтер Перри невольно задумался. А если Теннесси

²⁹ «Юность» («Giovinezza») – гимн итальянской Национальной фашистской партии (первоначально – студенческий гимн). Переводить эту фашистскую мерзость автор не будет.

ВСПОМНИТЬ?

* * *

– ...Все равно, несерьезно как-то, доктор, – не отставал Ларуссо. – Вы – человек солидный, с именем, я про вас в журнале читал. Прошлый раз вы приезжали рукописи в монастыре изучать. Это я понимаю, для людей ученых – дело нужное. А сейчас – Волчья Пасть. Байки и страшилки. Racconti, одним словом.

Отто Ган отставил в сторону очередную бутылку, бросил взгляд в темное ночное небо.

– А почему бы и нет? То, что говорит народ, тоже очень интересно. Легенда о Восса del Lupo известна в нескольких странах. Теперь, благодаря фильму, – и во всем мире.

– Это где толстая фройляйн в ночной рубашке по горам бегают? – вспомнил Уолтер.

– Я передам ваш отзыв этой фройляйн, – улыбнулся немец. – Уверен, ей понравится. Но если серьезно... Хотите правду? Ничего в этой Волчьей Пасте интересного нет, согласен. Но совсем рядом есть пара пещер, которые я очень хочу обследовать. На пещеры деньги бы мне не дали, а на Восса del Lupo – пришлось. Международное сотрудничество, престиж! Вот я и воспользовался.

– А нам потренироваться надо, – подхватил Хинтерштойсер. – На плацу некогда альпинизмом заниматься. Спасибо

доктору, вытащил. Вольный воздух, скалы – и никакого начальства. Как хорошо! Правда, Тони?

Курц, от природы куда менее многословный, кивнул в ответ.

– А почему интересного нет? – вмешался белокурый Иоганн. – Свет действительно горит, я сам видел.

– Новента! – рявкнул сержант. – Иди хвороста в костер подложи!

– Но он горит! – парень встал, одернул рубашку. – Синьор Ларуссо, вы же помните, я рапорт составил. Начинается за четыре дня до полнолуния. Сначала просто вроде красной дымки, а перед полнолунием луч появляется. Как у прожектора, только побольше...

Сержант застонал и показал подчиненному кулак. Тот понял и исчез.

– Горит... Любопытно! Про красный луч писали в старых хрониках, – задумчиво проговорил доктор. – Если так, значит, землетрясение действительно разрушило стену. Синьор сержант, а почему это приказано скрывать?

Никола Ларуссо пожал крепкими плечами.

– А мне откуда знать? Велено пресекать и не распространять. Кажется мне, доктор, что синьоры из Рима первые хотят пещеру осмотреть. А то получится, что все сливки, уж извините, синьоры, иностранцам достанутся.

– Но подниматься нам прямо не запретили, – рассудил Отто Ган.

– А мы и не будем подниматься, – подхватил неунывающий Хинтерштойсер. – Мы тренировку проведем.

Курц согласно кивнул.

– Завтра с утра. Там ничего сложного. Всего один подъем, обычное положилово, грести не придется. Мы с Андреасом сбегает, поглядим, какие там хапалы и какие мизера. Наметим точки страховки, крюки вобьем. И насчет веревки прикинем, вдруг там жумарить надо? А потом вернемся, отдохнем и вместе замочалим.

– Да, ерунда, это не по отрицательной сыпuxe дюльферять, – махнул рукой Андреас³⁰.

Все с уважением поглядели на специалистов. Доктор взял рюмку, остальные охотно последовали его примеру.

– А можно мы тост скажем? – спросил Хинтерштойсер.

Никто не возразил. Скалолаз, внезапно став серьезным, поднял к небу кулак.

– За трех прекрасных дам. За Гору! За Удачу...

– ...И за ту, что каждого из нас ждет дома! – подхватил Курц.

3

Уолтер сделал шаг, другой, притопнул левой, затем правой.

³⁰ Сленг скалолазов. Взято в готовом виде из произведений Всеволода Колюбакина (Севыча), которому автор выражает свою искреннюю признательность.

– Подпрыгните, – посоветовал доктор Ган.

Подпрыгнул, потом еще раз.

– Годится. А то я боялся, что великоваты.

Горные ботинки – самое сложное в экипировке. Старая, времен службы в Техасе, гимнастерка и брюки, тоже армейские, пилотка со снятой эмблемой. Со стороны – дезертир дезертиром.

– Запечатлеть? – доктор кивнул на фотоаппарат.

– Конечно! – спохватился молодой человек. – А то еще не поверят.

Пленку он зарядил в Нью-Йорке, но снимать пока что было нечего. На борту «Олимпии» он бы, конечно, развернулся, но аппарат пришлось сдать в багаж вместе с прочим «железом».

– Улыбочку! – Отто прицелился... Щелчок!

Снято.

Андреас и Тони ушли на гору сразу после завтрака. Доктор и американец, оставшись в резерве, принялись не спеша готовиться. Время от времени кто-то из них брал бинокль, но толком ничего разглядеть не удавалось. Две маленькие фигурки на тропе – исчезли, снова появились. Вот они у подножия скалы. Пропали... Один начал подниматься, остановился. Вниз... Снова вверх.

– Сумасшедшие ребята, – рассудил доктор Ган. – Хотят в этом году идти на Эйгер³¹, на Северную стену. Там чуть ли

³¹ Эйгер (нем. Eiger) – горная вершина в Бернских Альпах высотой 3970 м над

не каждый год люди гибнут. Пытался отговорить, да где там!

– Это вроде вашего Грааля, Отто, – наставительно заметил Уолтер, в душе слегка завидуя и братьям из ларца, и ученому немцу. – Знают люди, зачем на свете живут!

Отто Ган задумался.

– Точно! Вы среди нас – единственный рационал.

На «рационала» Уолтер почему-то обиделся. Взял бинокль, попытался понять, что происходит на стене. Не увидел ничего, погрузился.

– А зачем же вы, Отто, ищете Грааль, если их уже пять штук нашли, Граалей этих? Сами рассказывали.

Доктор Ган развел руками.

– Наверно, хочу почувствовать то же, что и ваш персонаж в каске. Поиск Грааля необыкновенно увлекателен сам по себе. На этой дороге Чаша – главная награда, но не единственная. Преодолеваешь трудности, преодолеваешь собственную слабость. Грааль – как Северный полюс. Но его можно открыть один раз, а Чаш могло быть несколько. И чтобы понять, которая из них – настоящая, требуется сперва их все отыскать. Моя Чаша еще не найдена. Не убедил?

Уолтер почесал подбородок, поглядел на серую вершину Волка.

– А вот представьте себе, Отто, если сейчас я из чемодана Грааль вынул бы и перед вами поставил, вы бы очень обрадовались?

– Вы правы, – кивнул доктор. – Это была бы величайшая трагедия моей жизни. Кстати, или это звуковая галлюцинация, или...

Молодой человек прислушался. Со слухом у немца было все в порядке.

– «Кондор» с коляской. Сейчас нас с вами строить начнут.

* * *

– Готовы? – грозно спросил Никола Ларуссо, слезая с мотоцикла. – Не слышу доклада!

И не услышал. Доктор лишь кивнул в сторону вершины. Страж порядка, понимая хмыкнув, присел прямо на траву.

– Buona giornata, signori! Сразу видно, что в лагере отсутствует твердое руководство. Синьор Перри, вы бы у меня не вылезали из нарядов.

На этот раз на бравом усаче была не полицейская форма, а военная, старая и без знаков различий. Уловив любопытные взгляды, он победно улыбнулся и, грузно приподнявшись, шагнул обратно к мотоциклу. Из коляски был извлечен итальянский флажок.

– Pronti, ieri, oggi, domani al combattimento per l'onore d'Italia! Так велит нам Дуче! Этот маленький символ великой страны будет водружен у самой Волчьей Пасти. И не забудьте нас с ним сфотографировать! Вы удивлены? Да, я ре-

шил лично штурмовать Bocca del Lupo!

– Надеетесь, что не нагорит? – усмехнулся немец. – За то, что нас пустили?

Густые брови сомкнулись у переносицы. Из горла послышался низкий рык.

– Что за намеки, синьор иностранец? Вершину буду брать я и только я, полномочный представитель законной власти! При некоторой вашей помощи...

Оглянулся, словно опасаясь невидимого соглядатая.

– Телеграмма утром пришла. Мол, пусть себе поднимаются, но только днем и под присмотром. На ночь в пещере чтобы никто не оставался. Намек уловили?

– Да чего там после заката делать, в пещере этой? – поразился Уолтер. – Ночевали когда-то в одной, чуть от холода не околели.

Немец усмехнулся.

– Сочувствую. И со мной такое однажды случилось. Но в Риме явно заинтересовались красным свечением. Я сам даже не знаю, что думать. До вчерашнего дня был в полной уверенности, что это лишь легенда.

– Байки одни, – буркнул сержант. – А Иоганну... Тьфу! Джованни я уши надеру. Pivello!

– Тем не менее. В Риме тоже читали старые хроники. А там говорилось, что красный свет в Волчьей Пасти дает силу...

– ...Особенно насчет баб, – уточнил страж порядка. – По-

тому и лазили, шеи ломали. Impotenti! Срамота это все!

Доктор Ган усмехнулся.

– Не только. По красному лучу, его, насколько я помню, «Filo di Luna» называли, можно было улететь в какую-то волшебную страну, даже стать небесным духом, парить среди звезд. А другие считали, что пещера полна красных самоцветов. Лени Рифеншталь этот цвет пришелся не по душе, опять же политика, ненужные ассоциации. Заменяла на голубой. Говорили даже, что тот, кто улетит и сможет вернуться, обретет бессмертие. Каждый ищет свое, синьор Ларуссо.

Никола Ларуссо насупился, явно желая возразить, но не успел.

– Эгей! Мы уже здесь!..

На тропе, у самого выхода в долину, стоял весело улыбающийся Хинтерштойсер. Кепи набекрень, веревка на плече. Через миг рядом соткался Тони Курц, тоже в кепи, но без веревки.

Скалолазы шагнули ближе, переглянулись.

Пляшут танец озорной
Ганс и Грета в выходной.
Под веселый перепляс
В них врезается фугас.

Раз – ха-ха! Два – ха-ха!
Пуля ищет дурака!

Откашлявшись, Андреас принял серьезный вид, вскинул ладонь к козырьку.

– Докладываем! Стенку взяли, подъем наладили. Чуток передохнем, и можно мочалить!

– Почему доклад не по форме? – рыкнул Ларуссо. – И что за дурацкое пение?

– Почему дурацкое? – вступился за приятеля Курц. – Это у нас на плацу – дурацкое. А после стеночки – совсем другое дело!

Вновь переглянулись.

После танцев сам собой
Возникает мордобой.
Нет под глазом фонаря –
Значит, вечер прожит зря.

Раз – ха-ха! Два – ха-ха!
Пуля бьет наверняка!³²

³² Песня «О, прекрасный Вестервальд». Автор приносит свои искренние извинения переводчику Ромену Нудельману за варварское обращение с его текстом.

Уолтер сжал зубы, глубоко вздохнул, собираясь с силами. Упор на руки, рывок... В глаза плеснул желтый огонь, но он все-таки сумел приподняться над скальным перегибом. Кто-то схватил за рубашку, потянул...

– Сам!

Упал на живот, оттолкнулся руками от теплого камня, бросил тело вперед. Неужели все?

– Семнадцать минут, – сообщил чей-то голос, кажется, Хинтерштойсера. – Не так и плохо.

Уолтер нашел силы усмехнуться. Не так? А как – плохо? Не подъем, а сплошной стыд. Совсем навыки растерял.

Встал, долго доставал платок из кармана, протер грязное от пота лицо. Воду решил не пить. Чуть позже рот прополощет – и хватит. Помотал головой, надеясь прогнать желтую пелену.

– Вальтер, не обижайся, но ты работаешь очень нерационально. – откликнулась пелена голосом Курца. – Сил, что ты потратил, на три таких подъема хватит.

Уолтер рассмеялся, вдохнул глубоко.

– Отто? Вы слышите? Вычеркивайте меня из рационалов.

– Охотно, – откликнулся Ган. – И даже с удовольствием.

А что там наш сержант? Эй, синьор, вы где?

Желтая пелена, наконец, лопнула, и Уолтер увидел доли-

ну: невысокую горную гряду в густой зелени, тонкую нить дороги, каменный перегиб, который только что преодолел.

– А? – грянуло где-то совсем рядом. – Тут я! Сейчас!..

Над камнем вознеслась взлохмаченная усатая голова с выпученными от напряжения глазами. Широко раскрытый рот выдохнул.

– Фуражку посеял. Уфф!..

Массивное тело перевалилось через каменный край, ручищи уперлись в белую пыль. Миг – и сержант Никола Ларуссо восстал над покоренной скалой. Рубашка в темных пятнах пота, красные щеки, кровь на оцарапанном запястье.

– *Chi osa vince!* Вперед, Италия!

Хинтерштойсер сделал серьезное лицо, подбросил руку к кепи.

– Вы были великолепны, герр сержант!

– Уши надеру, – добродушно пообещал усач. – Не посмотри, что *straniero*. На обратном пути фуражку мою найдешь, иначе на скале ночевать оставлю. Ну, синьоры...

Отряхнулся, отогнал ручищей пыль.

– Как я понимаю, прибыли?

– Почти, – доктор Ган кивнул вперед, в сторону неровного уступа. – Последний рывок.

Уступ возвышался отвесной стеной, черный, в широких извилистых трещинах. Уолтер стал прикидывать, сколько в нем вместится этажей. Три? Больше? Такой с ходу не «замочалить», но кто-то предусмотрительный озаботился выбить

в черном камне ступени – слева, где уступ полого спускался к площадке.

Сержант достал из заранее поднятого рюкзака итальянский флажок, сдвинул кустистые брови.

– Я иду первый.

Никто не стал спорить. Доктор Ган извлек из того же рюкзака фотоаппарат, Уолтер последовал его примеру.

Фляжка. Прополоскать рот...

Готов!

– Вперед, синьоры! «Giovinezza, Giovinezza, primavera di bellezza!...»

* * *

...Под ногами битый камень, впереди он же, но целой грудой, за ним – темный зев в скальной толще, и в самом деле чем-то похожий на раскрытую звериную пасть.

Vosca del Lupo.

– Всем стоять на месте! – отчеканил доктор Ган. – Сперва зафиксируем.

Сержант, уже двинувшийся было вперед с флажком наперевес, послушно замер. Отто Ган расчехлил аппарат, мельком взглянул на солнце, пытаясь угадать выдержку. Уолтер уже прицеливался, ловя объективом вход в Волчью Пасть.

Ступени вывели на ровную площадку. Почти квадрат, дюжина шагов в длину, в ширину чуть побольше. Впереди пе-

щера, у входа – каменный завал.

– Да, хорошо трянуло, – констатировал Отто Ган, делая очередной снимок. – До самого основания разнесло.

Уолтер опустил фотоаппарат, взглянул недоуменно.

– Это что, стенка? А где кирпичи?

Усач гулко расхохотался.

– Ну, синьор Перри, вы и сказанули! Кто же их сюда, на гору, потащит? Принесли цемента, набрали камней, слепили, что могли. Но, между прочим, почти полтора века простояло.

– Такая кладка называется «псевдоисодомная», – пояснил доктор, закрывая колпачком объектив. – Ее применяют во всем Средиземноморье, на Балканах и даже в России, в Крыму. Дешево и быстро. А при сильном землетрясении и кирпич не выстоит.

Усач неодобрительно хмыкнул.

– Что за слова вы находите, синьор! Псевдоисодомная, псевдосодомитская...

Нахмурился, поднял повыше флажок.

– Пошел! Фотоаппараты далеко не прячьте, сейчас меня фиксировать будете.

Тем и занялись. Сначала во всех подробностях запечатлели сержанта, попирающего горными ботинками завал. Затем в руке Хинтерштойсера словно по волшебству объявился еще один флажок, но уже красный, с черной свастикой в круге. Трое немцев выстроились плечо к плечу на фоне все

тех же камней.

Снято!

Уолтер достал из взятого с собой блокнота открытку с американским флагом, оценил рисунок. Сойдет? Сойдет! И передал свой аппарат доктору Гану.

После этого оставалось только сняться всей честной компанией.

3

– А я железяку нашел, – Уолтер легко ткнул носком ботинка что-то ржавое, непонятной формы, лежащее у стены. – По-моему, это кайло. Было.

Тони Курц раскрыл ладонь, подсветил фонариком.

– Глянь!

Три больших неровных кристалла. Огонь скользнул по граням, проник в глубину, отразился сияющим перламутром.

– И я нашел, – вынырнувший из темноты Хинтерштойсер продемонстрировал целую друзю. Такие же кристаллы, но в переплете из золотистых нитей.

– Все ясно! – рассудил Курц. – Точно, как в фильме. Здесь такого было полно, потом местные набежали – все разнесли. А кайло забыли, ротозеи.

– Ничего удивительного, ребята. Это доломит, – откликнулся невидимый во тьме Отто Ган. – Осадочная карбонат-

ная горная порода. Желтая – магнезит³³. А вот что я нашел, пока непонятно...

В черный зев Bocca del Lupo входили не без опаски. Усач даже посетовал, что не захватил табельный пистолет. Спohватившись, добавил, что бояться нечего, раз он лично возглавляет поход, но – для порядка.

За неровной грудой камней, оставшейся от рухнувшей стены, их встретила сырость. Слева чернел широкий проход, справа же обнаружился гладкий белый выступ, чем-то похожий на киноэкран. Проход вел вглубь, постепенно расширяясь. Помогли предусмотрительно взятые фонарики, но на засыпанном камнями неровном полу никаких сокровищ не оказалось. Кто-то нашел древнюю бутылку толстого черного стекла с отбитым горлом, кто-то – глиняные черепки. Кирка, выбитые в давние годы друзья с кристаллами... Проход кончался стеной, покрытой «поклевками» от ударов чем-то острым. Слева и справа – тоже стены, и тоже в «поклевках». Луч фонаря осветил черные цифры: «AD 1757».

И это было все.

Никола Ларуссо разочаровался первым. Махнул ручищей и ушел обратно, к солнечному свету – как он пояснил, писать протокол. Уолтер и братья из ларца решили продолжить осмотр, но уже без всякого энтузиазма. Стало ясно, что искать в Волчьей Пасти нечего. А доктор Ган, заглянув на ми-

³³ Автор старался не слишком отступать от реальной геологии, но на всякий случай просит извинения у специалистов.

нута в проход, быстро вернулся к белому «экрану», где и занялся делом. Присел на камень, достал рулетку, карандаш, положил на колени блокнот.

– Если интересно, идите сюда! – наконец позвал он. – Самое главное – тут.

* * *

Хинтерштойсер подошел к «киноэкрану», провел ладонью, кивнул со значением.

– Гладкий какой! Видать, полировали.

– Это вряд ли, – усомнился Курц. – Я такое в горах видел. Природа отшлифует лучше всякого ювелира.

Отто Ган оторвался от блокнота, пружинисто встал.

– Не принципиально. По-моему, следов искусственной обработки нет. Но даже если бы и имелась, разницы не вижу. Стены пещеры доломитовые, порода самая обычная, похоже, с примесями кальцита. А вот что это? По виду тоже доломит, но... Не он.

Уолтер, в геологии не сведущий, предпочел промолчать. В Теннесси ничего похожего точно не было.

– Так что мне начальству написать, синьоры? – прогудело от входа. – Вы, синьор доктор, – человек ученый, заслуженный, вот и проясните вопрос. Что тут в пещере светиться может? Эта каменюка?

Никола Ларуссо неторопливо перебрался через завал,

присел на камень, положил блокнот на колено.

Немец развел руками.

– Но, господа, я же не геолог! Если бы вы спросили меня о весенних обрядах средневекового населения Германии, я бы вам целую лекцию прочитал. Я историк, этнограф. Пусть ваше начальство приглашает специалистов, им и карты в руки... Ладно! Доломит, в принципе, светится...

– О! – сержант поднял вверх большой палец. – *Molto buona!* Так и пишем.

– ...Но только в ультрафиолетовых и катодных лучах. И уж точно не красным светом. Но этот выступ – не доломитовый. А какие минералы могут излучать свет, да еще такой силы, даже не представляю.

– Грааль, между прочим, светился, – вспомнил Уолтер. – Я это в кино видел.

Отто Ган покачал головой.

– Вальтер, помилосердствуйте! Не бейте по больному месту. Ну, не знаю! Ахмед аль-Бируни, арабский ученый, писал, что при определенных условиях светиться может красный яхонт, но что он имел в виду, непонятно. Рубин? В некоторых легендах светятся гранат и киноварь. У Геродота, кажется, упомянута колонна из светящегося смарагда – так в древности называли изумруд. Что-то такое якобы видели на Цейлоне...

– ...На Цейлоне, – подхватил сержант, водя карандашом по бумаге. – Изумруд... *Smeraldo*... Вы не спешите, синьор,

я на итальянский перевозжу. Вот уже и факты! Чем больше напишешь, тем меньше взгреют.

– Но оно же не само светится, – внезапно заметил Хинтерштойсер. – А от лунного света. Потому и в полнолуние, что лучи до камня достают.

Доктор Ган без особого интереса взглянул в сторону входа.

– Все может быть. Флюоресценция, термолюминесценция, да мало ли? Пусть геологи работают. Для меня тут ничего особо любопытного нет. Кроме того, конечно, что в основе предания о Воссa del Lupo лежат вполне реальные факты. Возможно! Самого свечения мы пока не видели. Не то чтобы особо разочарован, но пещеры, которые меня ждут, обещают кое-что поинтереснее.

Уолтер, напротив, был весьма доволен. Не зря ехал! Это вам не по нью-йоркским кварталам круги писать! Кроме того, ему почему-то показалось, что немец скромничает. Делает вид, что ему этот камень не слишком нужен, а сам чуть не полблокнота исписал. И слова какие знает! «Термолюминесценция»! С первого раза и не выговоришь.

Маленький осколочек, найденный возле «киноэкрана», молодой человек на всякий случай припрятал. Пригодится.

– Думаю, для первой разведки более чем достаточно, – подытожил Отто Ган, пряча блокнот. – Пора собираться. Все, что могли, сделали.

Никто не возразил, только Тони Курц, покосившись на

гладкий камень «киноэкрана», проговорил негромко:

– А мне почему-то кажется, что главного-то мы и не увидели.

5

Человек и его комната. Портрет в интерьере.

...Пухлые щеки с ямочками, тяжелый, слегка вздернутый нос, яркие губы, серые глаза под изящными бровями. Седеющие волосы аккуратно зачесаны наверх. Дорогой светло-коричневый костюм, пиджак нараспашку, галстука нет, ворот кремовой рубашки расстегнут. Сильные руки, ухоженные ногти.

Тисненый линкруст по стенам, тяжелая люстра на цепях, окна скрыты шторами, пол – ковром.

Диван темно-коричневой кожи с неярким блеском, открытая бутылка французского коньяка на маленьком столике, хрустальные рюмки. Правее тумбочка, радиоприемник – немецкий «Телефункен». Стол мореного дуба. Зеленая столешница пуста, нет и чернильницы, только овальное зеркало в бронзовой раме.

Мухоловка стояла лицом к дивану, напряженная, нервная. Руки по швам, пальцы впились в ладони. Серая форменная рубашка, нашивка на рукаве, строгая темная юбка. Недавно подстриглась, короткие волосы стали еще короче.

Мягкий табачный дух. Рядом с коньячной бутылкой – тя-

желый портсигар старого серебра. В углу часы с медным маятником, маленькая стрелка на семи, большая на двенадцати. Утро ли, вечер, не разобрать.

Сидевший на диване потянулся за портсигаром, нажал на кнопку (желтый камешек в оправе), раскрыл, достал папиросу.

Улыбка.

– Тебе очень идет форма. Жаль, ты редко ее надеваешь.

– Я... – девушка сглотнула. – Мне рубашка не нравится.

На юнгштурмовку³⁴ похожа.

– Уверен, тебе бы очень шла юнгштурмовка.

Щелчок зажигалки. Первая, самая сладкая затяжка.

– Кури, Анна! Если хочешь, возьми «Житан», он у меня в ящике стола.

Девушка мотнула головой.

– Не хочу. Я сейчас почти не курю, господин...

Улыбка пропала, мягко дрогнули губы.

– Постарайся не нарушать наш уговор. Никаких титулований, раз мы не в служебном кабинете. Бери сигареты.

Мухоловка покорно кивнула.

– Извини, Эрц. Я... Я свои.

Нащупала лежавшую на стуле сумочку, выхватила пачку. Не удержав в руках, выронила на ковер. Тот, кого назвали

³⁴ Юнгштурмовка (костюм юнгштурма) – модная в конце 1920 – 1930-х гг. военизированная форма одежды. В данном случае – гимнастерка с отложным воротником и накладными карманами.

Эрцем, отложил папиросу, встал, шагнул ближе.

– Нервы у тебя совсем никакие, девочка! Иди сюда.

Обнял за плечи, отвел к дивану, усадил. Горлышко бутылки негромко ударилось о хрусталь.

– Глотни. Очень неплохой «Мартель».

Девушка выпила коньяк, словно лекарство – залпом, почти не чувствуя вкуса. Сжала пустую рюмку в кулаке, прикрыла веки, откинулась на мягкую кожу. Вдохнула резко, словно от боли.

– Иногда... Иногда мне не слишком весело, Эрц. Не обижайся!

Тяжелая ладонь легла ей на голову, осторожно погладила.

– Ты слишком напряжена, девочка. Так нельзя, надо уметь расслабляться. Сейчас ты еще выпьешь, посидишь спокойно, придешь в себя. И ни о чем не беспокойся. Старик Эрц тебя всегда защитит. Пусть умирают другие, а ты будешь жить, молодая и красивая. И мы вместе будем смотреть, как гибнут наши враги. Такое зрелище всегда утешает.

Мухоловка открыла глаза, попыталась усмехнуться.

– Я уже почти утешилась. Очень трудная неделя, Эрц. На работе улыбаешься, учишь девочек, поправляешь их ошибки. У нас впереди международный конкурс, они очень волнуются. Я их тоже утешаю. И стараюсь не думать о том, что будет вечером.

Эрц вновь провел ладонью по ее волосам, шумно вздохнул.

– У всех время тяжелое. Одни сжигают нервы, другие пьют, третьи спешат в иностранные посольства – кто предавать, кто просто оформлять въездные визы. В марте Гитлер ввел войска в Рейнскую область. Ни Франция, ни Британия даже не попытались сопротивляться. Значит, мы – следующие. Генералы не хотят воевать. Им по душе единый Рейх, они слишком хорошо помнят прошлую войну, которую успешно проиграли. А толпа молится на силу, каждый видит себя маленьким-маленьким Гитлером.

– И сколько мы еще продержимся?

Эрц нахмурился, бросил взгляд на часы:

– Все жду, когда они пробьют тринадцать... В лучшем случае у нас есть год, может, немного больше – пока Гитлер не уломает нашего итальянского друга. Муссолини еще не поддается, но его хватит ненадолго. Мне тоже не очень весело, Анна. Я слишком хорошо знаю людей. Когда вода подступит к горлу, разбегутся все, даже мой верный Шарль. Недавно он начал собирать документы о своих арийских предках. Какой любознательный мальчик!

Мухоловка отстранилась, поглядела сидящему рядом в глаза.

– Есть человек, который тебя никогда не предаст, Эрц!

Мужчина погладил ее по щеке.

– Я знаю.

– Сколько всего этих книжек, Эрц?

– Четыре. У нас пока три. На рынке фантастики сейчас нездоровый ажиотаж. Появились новые заинтригованные донельзя читатели. Не завидую германскому военному атташе в Вашингтоне.

– Ничего не найдет?

– Конечно, нет. Всю цепочку, уверен, продумали заранее. Информаторы в Европе, издатели в Америке, а где заказчики, можно лишь догадываться. Где, а главное кто и зачем. Из нашего пыльного угла мы не видим общей картины, Анна, но все же постараемся осмыслить. Ты у меня умница, попробуйся.

– Две первые версии лежат на поверхности. Кто-то решил всерьез навредить Адольфу Гитлеру. Воспроизвести то, что описано в этих книжках, нельзя, но составить представление можно. Французскую пушку упомянули тоже не зря. Это не объективность, а мягкий намек на возможности автора и тех, кто за ним стоит. Вторая версия исходит из первой. Возможно, это рекламный проспект. Неведомый «кто-то» не прочь поторговать чужими секретами. Так считают русские. Следствие рыночных отношений...

– ...И звериный оскал загнивающего империализма. А ты как думаешь?

– Жаль, я не видела четвертой книги. Но мне кажется, что читателей разогревают, готовят к чему-то главному. Сначала убеждают в том, что имеют доступ к источникам информации, заставляют поверить. А потом – вброс того, ради чего все задумано.

– Ты у меня действительно умница, Анна. Мне пересказали содержание новой книги. Капитан Астероид женится на прекрасной Кейт, но невесту убивают прямо под венцом...

– Эрц!..

– Да, это ужасно! Подвенечная фата залита кровью, кровь на парадном мундире, пуля пробила Библию... Бедняга Капитан Астероид! Ужасной будет его месть в пятой книге! Задно придется спасти человечество. Планета Аргентина уже приближается к беззащитной Земле.

– «В знойном небе пылает солнце, в бурном море гуляют волны, в женском сердце царит насмешка...»

– Прекрасное танго. Давно мы с тобой не танцевали, Анна!.. Итак, над могилой Кейт Капитан Астероид клянется уничтожить Злодея. Сам же Злодей пытками и угрозами заставляет похищенных во второй книге ученых работать над чудо-оружием. Три проекта. Выживет лишь тот, чей проект принесет победу, остальных выкинут без скафандра в открытый космос.

– Это оно?

– Очень даже возможно. Ты знаешь, что такое расщепление ядра лития?

– Литий? Редкий металл?

– Да. Злодею это очень нужно, он держит в заложниках невесту молодого и талантливового физика, грозитя раство-
рить ее в азотной кислоте. Хуже того, он грязно домогает-
ся...

– Эрц, ну пожалуйста!

– Английские физики Кокрофт и Уолтон из Кэвендиш-
ской лаборатории расщепили ядро лития в мае 1932 года.
Но это только один проект. Следующий – Лучи Смерти. Пе-
редача электроэнергии без проводов – то, чем занимается в
Штатах Тесла. Такой же проект по некоторым данным есть
и в Германии. А третий – что-то связанное с гравитацией.

– С гравитацией? Но это же вообще фантастика!

– Да, это все фантастика, нелепые книжонки в ярких об-
ложках. Кто поверит? Кстати, ты обратила внимание на го-
ре-сыщика?

– Ушастый болван из Теннесси по фамилии Грушевый
Сидр? Он еще, кажется, девственник и боится женщин? Ти-
пичный комический персонаж.

– Типичный, типичный... Погляди, что раскопал Шарль.
И знаешь где? В нашем Министерстве иностранных дел. Ста-
рательный мальчик, я его очень люблю.

– Не может быть! Но это же простое совпадение. Такая
фамилия не редкость, имя тоже.

– И это возможно... Я вот думаю, Анна, что нам даст вы-
ход на автора, точнее, на его настоящих хозяев? Мы малень-

кая страна, мы фактически обречены. Франция и Британия не станут воевать с Гитлером. И Гитлер тоже не будет воевать. Он начнет глотать своих соседей, отрывать куски территории, проводить свои плебисциты с заранее известным результатом. Русские его не любят, но они далеко, и они слабы. Что может остановить Шикльгрубера?

– Чудо-оружие?

– Не уверен. Сейчас я уже ни в чем не уверен, Анна. Но я чувствую, что начинается какая-то игра, глобальная, страшная. Наша Европа – только одна из игровых досок, а Гитлер, Сталин и все прочие – не игроки, а лишь фигурки на этой доске. Заглянуть бы за кулисы...

– Чем я могу помочь, Эрц?

5

Швейцарец «Кондор» с грохотом и треском затормозил в тот самый момент, когда Уолтер закончил укладывать чемодан. Немцы тоже почти собрались. Курц возился с мотором, Андреас впихивал в кемпер последний раскладной стул. Отто Ган, уже при полном параде, перелистывал блокнот со вчерашними записями.

– Buongiorno, signori! – грянул бас бравого сержанта. – Вы уже готовы? Fermarsi significa retrocedere!..

– Доброе утро. Мы уже ко всему готовы, – без особого оптимизма отозвался доктор. – Мои коллеги еще не появи-

лись?

Никола Ларуссо неспешно слез с мотоцикла, потянулся, гулко выдохнул.

– Мутит после вчерашнего. Вы потом еще без меня продолжили? Нет, синьоры, с этим безобразием надо заканчивать. *Ubriachezza – combattere!*³⁵ В полдень мое начальство из Больцано нагрянет, а ваши коллеги, доктор, обещались к вечеру. Двое: один вроде вас, историк, а второй почему-то физик. А фамилии их...

Напрягся, мотнул головой:

– Ох... Склерозини и Маразматти. Все, завязываю. Особенно с граппой.

Обвел мрачным взглядом поляну, покосился на чемодан американского гостя. Нахмурился.

– Вы, *senor straniero*, тоже собрались драпать? А кто же подтвердит перед высшим руководством мои... То есть наши героические подвиги? Нехорошо, синьор Перри, плохо!

Молодой человек виновато развел руками.

– А вы, как дела свои закончите, возвращайтесь. Сюда и синьор доктор подъедет, как пещеры свои посмотрит, и репортеры обещались, и даже киношники. Международная экспедиция как-никак. Кто же Америку представлять будет, синьор Перри?

Уолтер решил не спорить. Если получится, почему бы

³⁵ Пьянству – бой! (*итал.*)

и нет? План дальнейших действий был прост. Поездом до Больцано, оттуда тоже поездом – напрямик через близкую границу. К утру прибудет на место, за день обернется.

– Синьор сержант, в этих краях почта работает? Международная?

Усач изумленно моргнул.

– А зачем вам международная? Честным людям она без надобности. Вы что, иностра... Хм-м... Действительно.

Подумав, рассудил, что в Больцано таковая имеется. Центр провинции все-таки.

Среди прочих шпионских премудростей мистер Н открыл своему американскому гостю простой секрет. В мирное время (война – дело иное) разведчику безопаснее всего пересылать сообщения самой обычной почтой. Объем почтовых отправлений в Европе так велик, что проследить за каждым нет ни малейшей возможности.

Исключение есть – Россия. Но там все не как у людей.

Ничего секретного у сотрудника адмиральского Фонда не было, но дневники полярника Карла Кольдевея он решил отправить бандеролью прямо в Нью-Йорк. Не таскать же с собой эту тяжесть, да еще через таможду! А вдруг этот Карл чего-то неправильное написал?

– Я вас, синьор, до Мармаролы подброшу, прямо до станции, – расщедрился усач. – Заодно по телеграфу вам билет забронируем, чтобы в Больцано у касс не толкаться. А вы мне по дороге про свет красный расскажете.

– Какой свет? – не понял Уолтер.

Страж порядка взмахнул ручищами.

– То есть как? Вы же его зафиксировать должны были!

Во сколько появляется, как горит, есть ли этот луч, который прожекторный.

Молодой человек устыдился и отвел взгляд. Собственно, просили не персонально его, а всю честную компанию. Доктор Отто Ган твердо обещал, даже показал сержанту новенький хронограф, дабы засечь время с точностью до секунды. Поскольку согласно всем легендам пещера начинала светиться в полночь, после одиннадцати решили выставить наблюдателя.

А потом появились кружки... Отто Ган, уже изрядно отдохнув, заявил, что нынешнее поколение измельчало и даже не может сравниться с его любимыми древними германцами. Герои прошлых веков только посмеялись бы, глядя на то, как их потомки пьют. Никаких рюмок, нужны чаши! Такие, как чаша Сигины, верной жены Локи, сына Фарбаути Жестоко Бьющего!

Чаши не нашлось, зато кружки, увы, имелись. Уолтер пытался возразить, но доктор пригрозил отправить его в Дахау, где кормят брюквой. Малопьющего Курца пришлось держать за руки и вливать на счет «раз-два-три»... Разбудил всех громкий, слегка надтреснутый голос Хинтерштойсера, требовавшего немедленной опохмелки. На дворе уже стоял ясный день.

– Неужели никто ничего не видел? – воззвал расстроенный сержант. – Совсем ничего? Как же так, синьоры?

Андреас и Тони переглянулись и дружно вздохнули. Отто Ган, чувствуя себя виноватым, попытался утешить служивого, рассудив, что так даже лучше. Пусть начальство само откровения совершает. Добрее будет!

– Сразу видно – экспедиция, – невесело рассудил усач.

* * *

– В самом деле, возвращайтесь, – Отто Ган крепко пожал руку, улыбнулся. – С вами, Вальтер, веселее. Сбегаем еще разок в пещеру, окрестности осмотрим. Насчет начальства своего не волнуйтесь. Мы с вами такой отчет для Фонда накатаем, что ваше фото в музее выставят.

Молодой человек усмехнулся в ответ.

– Главное, чтобы не чучело. Удачи вам, Отто!

Вещи в коляске, усатый сержант в седле, «Кондор» – швейцарец нетерпеливо рычит. Братья из ларца, Тони и Андреас, возле кемпера, тоже улыбаются.

Пора!

– Вальтер, погоди!

Хинтерштойсер шагнул вперед.

– По случаю отъезда нашего американского друга, гарнизонный хор в нашем с Тони лице... Альпинистская, пацифистская... И-раз!

Среди туманных гор,
Среди холодных скал,
Где на вершинах дремлют облака,
На свете где-то есть
Мой первый перевал,
И мне его не позабыть никак.

Мы разбивались в дым,
И поднимались вновь,
И каждый верил: так и надо жить!
Ведь первый перевал –
Как первая любовь,
А ей нельзя вовеки изменить.

Идет без лишних слов
На смену яви – новь,
На смену старым – новые года.
Но первый перевал,
Как первая любовь,
Останется с тобою навсегда³⁶.

³⁶ А. Краснопольский. «Первый перевал». Автор исполняет эту замечательную песню в лирическом ключе, персонажи романа поют нечто, более напоминающее марш.

Соседи по купе давно уснули, негромко стучали трудяги-колеса, за окном вагона мелькали редкие поздние огоньки, а над ними неверным серебристым пламенем сиял лунный диск.

Полнолуние. Vollmond. Plenilunio.

Уолтеру не спалось. Он никак не мог понять, что тому причиной. На сон никогда не жаловался, к тому же дорога успела утомить. Одна пересадка, другая. Мотоцикл, пригородный поезд, суeta большого вокзала, набитый людьми перрон. Снова поезд, перестук колес, привычный запах паровозной сажки.

Не спалось.

Вместо сна бесконечной кинолентой всплывали воспоминания. Все подряд, и те, что хотелось помнить, и совсем иные. Он отгонял их, пытался думать о другом, считать до тысячи, представлял себе овечек, прыгающих через забор. Не помогало, пленка все крутилась, крутилась, по второму разу, по третьему...

Наконец он понял: что-то не так. И сразу успокоился. Если не так, значит, надо понять, что именно. Трудно, но все же возможно.

Шпион-пенсiонер зря обозвал «мистера П» наивным провинциалом. Нью-Йорк, Большое Яблоко – уж никак не

провинция, а от наивности прекрасно лечат нужда, военная служба и ответственность за тех, кто остался дома. Мистер Н был прав в другом. Уолтер Перри всегда старался думать о людях хорошо и уж тем более не подозревать понапрасну.

А если не понапрасну?

Стоп-кадр: зеленый с похмелья немец, босой, в шортах, шляпа лежит рядом. Зачем доктор Ган, человек взрослый и очень неглупый, затеял нелепую пьянку? Кружка граппы – считай, слоновья доза. В результате же не только похмелье и задержка с отъездом. Свет из Волчьей Пасти! Правы легенды, не правы? Так и не узнали. Предыдущей ночью тоже никто не пытался выяснить – легли еще до полуночи, чтобы выспаться перед подъемом. Доктор и настоял. Зачем немцу это нужно? Хотя бы затем, чтобы любопытный американец не остался возле горы-Волка, а brave сержант не смог ничего толком доложить прибывшему начальству, а заодно гостям из Рима. Недаром доктор полблокнота исписал в пещере.

Молодой человек представил себе веселого парня Отто, вспомнил, как тот улыбается... Нет, неправда! Он был уже готов мысленно извиниться перед доктором Ганом, но внезапно подумал о братьях из ларца. Курц и Хинтерштойсер – не вольные скалолазы-скауты, они солдаты. Ребята на действительной службе! Доктор сказал, что сумел уговорить командира части. Бывший сержант Перри представил, как к ним в пустыню приезжает штатский мозгляк из Вашингтона и просит полковника отпустить двух «джи-ай». Всего на

недельку – по горам побегать.

Смешно?

Но если парней и вправду отпустили, значит, Отто для них теперь – командир! Они выполняют его приказ. Любой! Иначе – трибунал.

Уолтеру стало не по себе. Он потер глаза, скользнул взглядом по равнодушному лунному диску. Если не спишь, в голову всегда лезет всякая ерунда. Отто – душевный парень, пьет редко, вот и занесло не туда. Курца и Хинтерштойсера и в самом деле могли отпустить. Мало ли какую бумагу привез с собою в часть доктор? Международная экспедиция, престиж, интересы Рейха.

И какой смысл скрывать свет из Волчьей Пасти? Следующей ночью все равно увидят, не они, так другие.

Сразу же полегчало. Молодой человек даже улыбнулся. Хорошо, что его новые знакомые ничего не узнают. Извините, ребята!

Закрыв глаза. Открыл.

Новый стоп-кадр: пассажирский салон «Олимпии», синева за стеклом, на столике – разложенная колода.

Монокль... Усики, как у Гитлера... Барон! Виллаффрид Этцель фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау. Нет, даже не сам барон! «Что вам нужно от моего дяди?!» Юное чудо в перьях считало, что это он, Уолтер Перри, наглый американский плебей, прицепился, словно репей к собаке, к ее вельможному родичу. Но ведь было все наоборот!

Чем он, обычный парень из Нью-Йорка, мог заинтересовать пожилого, много видевшего «тевтона»? Умением говорить по-немецки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.